

Ус
№ 1186

Мелкошарка

газеты
«Ленинские
искры» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Лето!
Лето!
Лето!
Лето!

Никаких уроков нету —
Отдыхай!
Всем дана команда: «Вольно».
Ждёт на поле мяч
футбольный —
Забивай!
Веселятся в небе грозы.
Смотрит гриб из-под берёзы —
Лучше всех!
И несётся над полями,
Над садами, над лесами —
Звонкий смех!

Свистят пичуги где-то
Среди звонкой летней этой
Кутерьмы.
...А на днях из дальней дали
К нам улыбки прибежали:
— Вот и мы!
Говорят: мол, не годится
Нам без дела находиться!
Разрешите на страницы
К вам в журнал? —
И решил редактор главный:
«Получиться может славно».
И сказал:
— Так и быть! На то и лето!
Отдаю журнал на это
Номер семь! —
И сегодня в путь-дорогу
Шлём улыбок много-много!
Всем-всем-всем!

Вот Вам ЕЩЕ ВОДЫ

КОГДА мне грустно, я стараюсь себя развеселить. Неплохая мысль, правда?

Мне частенько бывает грустно, или вообще не по себе, но вся беда в том, что я почти никогда не знаю, отчего мне грустно или не по себе. Поэтому я стараюсь развеселить себя изо всех сил, как попало. Иногда помогает, иногда нет, но я стараюсь всю.

Сегодня как раз прихожу из школы, а настроение у меня — не настроение, а чушь какая-то. Отчего — не знаю. Я даже есть не стал, надел свои лучшие трусики для плавания, взял ласты, маску и трубку и полез в ванную. Напустил полванны воды и улёгся туда. Лежу, шевелю тихонечко ластами, дышу через трубку, рассматриваю в маску дно ванны — и вроде легче становится. Вроде бы легче. Скоро лето, думаю, укачу на дачу и буду целыми днями плавать с маской и ластами и охотиться на крупную рыбу. И позабуду обо всём на свете. Кто это там, а? Окунь? А это? Щука! Подумать только! Ну и щучища! Сейчас мы её... Не-ет, уплыла. Однако здоровая. Ну ничего, мы ещё с вами встре-

тимся. Будьте уверены. Моё ружьё не даёт промаха.

Мне стало холодно в ванне, но я решил не подливать горячей воды, нет, так не полагается. Я вылез из ванны, тихонечко прошлёпал в комнату, достал из шкафа и надел на себя рейтузы и шерстяной свитер. Так все хорошие подводные охотники поступают, если у них нет специального костюма, — я читал.

Снова залез я в ванну. Красота! Совсем другое дело! Жарко даже! Эй, там, на берегу! Перестаньте орать и распугивать крупную рыбу! Ага, вот она, щука! Та самая! Стоит около водорослей и меня не замечает. Сей-час мы её...

Вдруг — звонок. Кто-то звонит к нам в квартиру. Надо же. Не могут не испортить охоту.

Соседка Виктория Михайловна стучит мне в ванную и говорит:

— Алёша! К тебе тут какая-то девочка пришла.

Девочка?! Ха-ха! Вот номер! Этого ещё не хватало!

Я отвечаю ей прямо через дыхательную трубку, не вынимая головы из воды:

— Пусть заходит в ванную.
Я не моюсь. Я в костюме.

Она говорит:

— Что это такое у тебя с голосом?

Я говорю:

— Такой голос.

Она говорит:

— Хм. Странно.

А я стал смеяться под водой.

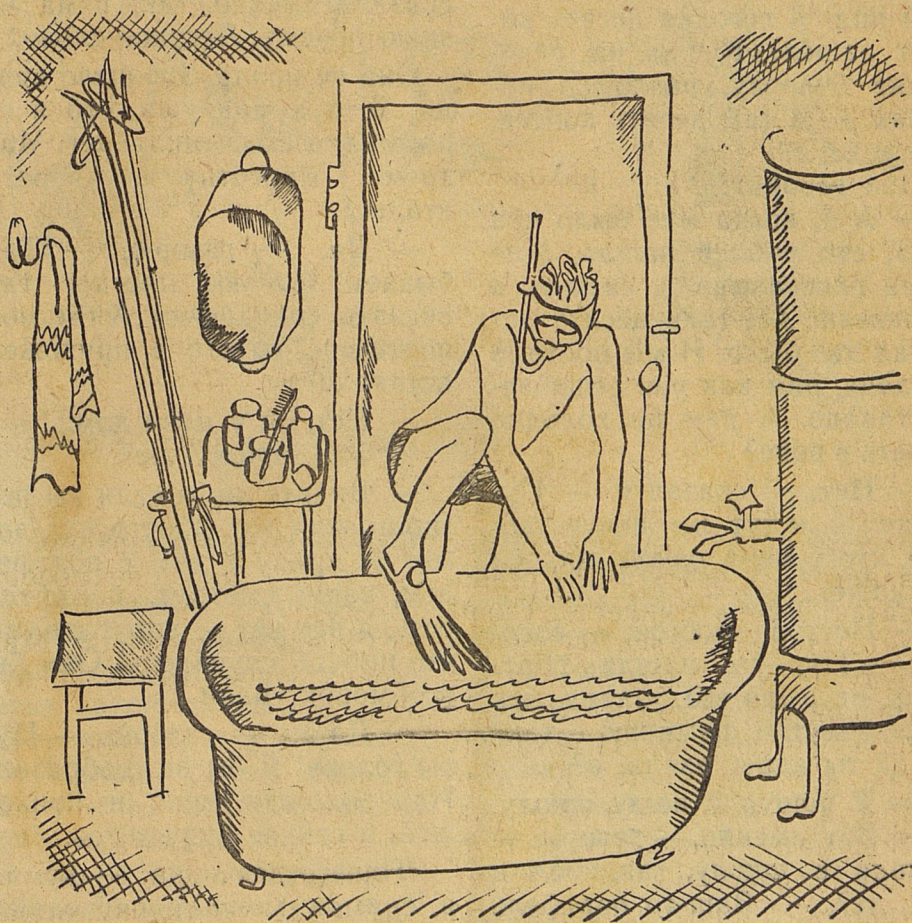
После дверь в ванную открылась, и я услышал, как вошла эта девочка, постояла немного и потом села на табуретку. А я лежал в воде и не поднимал головы.

«Что это ещё за такая девочка пришла? Чего ей надо?» — думал я. Одно удовольствие было лежать в воде в шерстяном свитере и рейтузах. Тепло, великолепно. Но охотиться уже было нельзя.

Я поднял голову и тут же сел и снял маску — девочка была совершенно незнакомая. Она смотрела на меня, от любопытства склонив голову набок, как будто я был редкое насекомое.

— Ты кто такая? — спросил я.

Она сказала:

— Я нашла твой... ваш... портфель.

— Что-о? — сказал я. — То есть? Как это понимать? — А сам уже вспомнил, что, когда шёл из школы домой, мне было маленько не по себе, чего-то такого мне не хватало (это кроме паршивого настроения я чувствовал), но я так и не догадался тогда, чего именно мне не хватало. Вот фрукт, а?!

— Я нашла его в продуктовом магазине, — сказала она.

А я так и сидел в ванне.

— Точно, — сказал я и засмеялся. — Верно. Там я его и оставил. Я там сок томатный пил. Я сегодня десять копеек нашёл. Купил на переменке булочку, разломил пополам — а там десять копеек. Неплохо, а?

Она говорит:

— А я, когда мне было два года, сто рублей нашла. Мне мама рассказывала, сама-то я не помню, всё-таки десять лет назад это было. И мы поехали на дачу, нам как раз денег не доставало. А вам не холодно сидеть в воде?

— Нет, — сказал я. — Пустилки, — и тут же почувствовал, что у меня озноб прошёл по коже.

— Постой, постой, — говорю. — Ну, ты нашла портфель, открыла его, узнала, как меня зовут и фамилию... так? А где ты адрес взяла, а?

— Я пошла в вашу школу.

— Вот именно, — говорю. — Пошла в школу, так, мол и так, да?.. — Ваш-то портфель потерял... Ты представляешь,

что они теперь обо мне думать будут?!

— Нет, — сказала она. — Я догадалась, что так нельзя. Я попросила дать мне ваш адрес, чтобы мы к вам зашли и пригласили вас в нашу школу, — я ведь в другой школе учусь, — чтобы вы поделились с нами насчёт подводной охоты.

— Врёшь, — сказал я. — Всё враньё. Ты ведь не знала, что я занимаюсь глубоководной подводной охотой! Не знала ведь?!

— Верно, — говорит. — Я совсем этого не знала, а сказала именно так, сама не знаю почему. Честное слово.

Она не врала, это было видно. Я-то думал уже, что я её поймал, а выходит — нет. Мне даже малость скучновато стало.

— Да, — говорю. — Так бывает. Бывают иногда, так сказать, совпадения. А где мой портфель, ты его в прихожей оставила?

— Нет, он у меня дома.

— Это почему же?

— Видите ли, а если вы погибли, или вас просто нет дома? Я приду к вам с портфелем, ваши смотрят: портфель есть, а вас нет — вдруг с вами что-нибудь случилось! Они бы в обморок упали.

— Да-а, — говорю. — Ну, ты голова! Я бы не сообразил. Иди подожди меня в прихожей, я сейчас буду готов.

«Ничего девчонка, — думал я, снимая мокрый подводный костюм, — довольно забавная.

Надо с ней ещё поболтать, для настроения».

Я быстро переоделся, и мы вышли на улицу.

— Вот, весна, — сказала она. — Скоро лето.

— Вот именно, — говорю. — Умотаю куда-нибудь подальше, буду охотиться и ни о чём не думать.

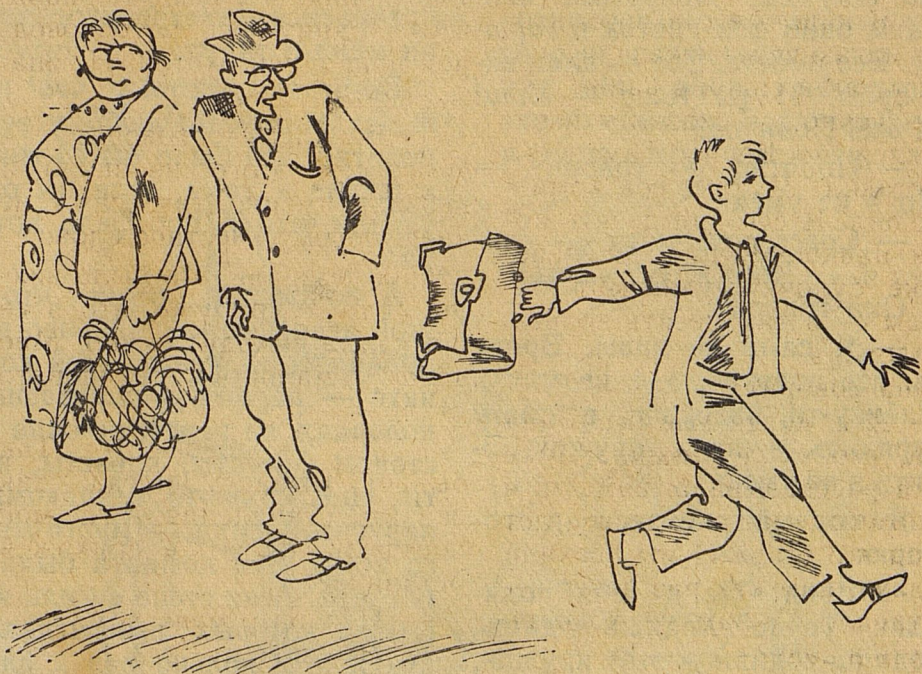
— А в школу к нам не зайдёте? — спрашивает она. —

Уроки ещё делаю. Иногда долго приходится сидеть: троек у меня многовато. А у тебя? — говорю.

Она вдруг ужасно смутилась, покраснела и говорит тихо:

— Я отличница.

Я свистнул, остановился и долго глядел на неё, а она отвернулась и стояла вся красная. Не понимаю, что с ней

Не расскажете насчёт подводной охоты?

— Не знаю, — говорю. — Подумаю. И называй меня, пожалуйста, на «ты» — я не старик какой-нибудь...

Она засмеялась и сказала:

— Хорошо. Так и буду. А что ты ещё делаешь кроме подводного нырянья?

— Да так, — говорю, — разное. То да сё. Читаю. В кружки хожу — авиа и фото.

произошло. По-моему, прекрасно быть отличником, я бы так с удовольствием, только у меня ничего не выходит...

— Пошли, — сказал я. — Чудо-юдо. Ты, наверное, в десять кружков ходишь и ещё староста, а?

— Нет, я не староста. Я никто. И в кружки я не хожу. Я не умею.

— Ни в один?

— Ни в один.

— Дурочка ты несчастная, — говорю. — Там иногда знаешь как интересно бывает?

Она говорит:

— Я знаю. Я догадываюсь. Но я не умею.

— Да что ж тут уметь! — говорю. — Например, фото. Все плёнку заряжают — и ты плёнку заряжаешь. Все ставят выдержку сотую долю секунды — и ты ставишь сотую долю секунды. Допустим, снимаем окно или цветок в горшке. Все вместе. Все — клац за твором. И ты тоже — клац! И всё! Понятно?

— Понятно, — говорит. — Но я не умею.

— Совсем ты тютя, — сказал я. — Чего ж тут уметь!

Она говорит:

— Я сама не знаю. Вроде бы всё понятно, а я не умею. Плёнку-то, наверное, я смогу зарядить, а вот в кружок ходить я не умею.

Я подумал немного и говорю:

— Вроде бы я тебя понимаю. Точно. Ходишь-ходишь, ходишь-ходишь в этот кружок, и иногда такая тоска найдёт. Правильно я говорю?

— Не знаю, — сказала она. — Вот мы и пришли. Я тут живу.

ДОМОЙ я бежал, размахивая портфелем, и пел песню на собственную мелодию. Мелодию я сам сочинил, внезапно. Немного похожую на «А за окном то дождь, то снег». А слова я не помню, что-то вроде:

Всё в голове у меня вверх

ногами.

Привет!

Тра-ля-ля!

Ура! Ура! Ура!

Что-то в этом духе.

Я летел по улице как метеор и даже чуть не сшиб ларёк с пивом, а какой-то дядька сказал про меня, ткнув в меня пальцем:

— Эти ещё нам покажут.

Но у меня всё равно было прекрасное настроение, хотя он меня и ткнул.

Во-первых, потому что нашёлся портфель: любому ведь понятно, что было бы со мной в школе и дома, если бы они узнали, что я портфель потерял.

А во-вторых, потому, что у этой девчонки мне здóрово понравилось. У неё по всей комнате — на шкафу, на разных полочках, на печке, на окне — стояли фрегаты, корветы, яхты, ещё какие-то незнакомые парусные лодки — много-много всего. Вся комната была в парусах. А на стене висели часы, из которых выпрыгивала кукушка. Сколько раз я слышал и читал про такие часы, а никогда не видел.

Я спросил:

— А кто делал корабли?

Она говорит:

— Да так... Они просто так стоят.

— Ага, — сказал я. — Понятно. — И не стал приставать.

Потрясающие были корабли, я их рассматривал как обалделый. Одно окно в комнате было открыто, в комнату

залетел ветер, и все паруса тихонько шевелились.

Я сказал:

— Здорово у тебя. Очень. Я бы в такой комнате жил и забот не знал! Не корабли, а фантазия. И как всё аккуратно сделано, с ума сойти можно.

Она говорит:

— Это папа делал.

А я сказал тогда:

— Годика через два-три здесь вообще места жить не будет — одни корабли.

Она засмеялась и говорит:

— Всё. Больше не будет. Он исчез.

— Кто исчез? — спросил я.

— Папа.

— Как исчез? Куда?

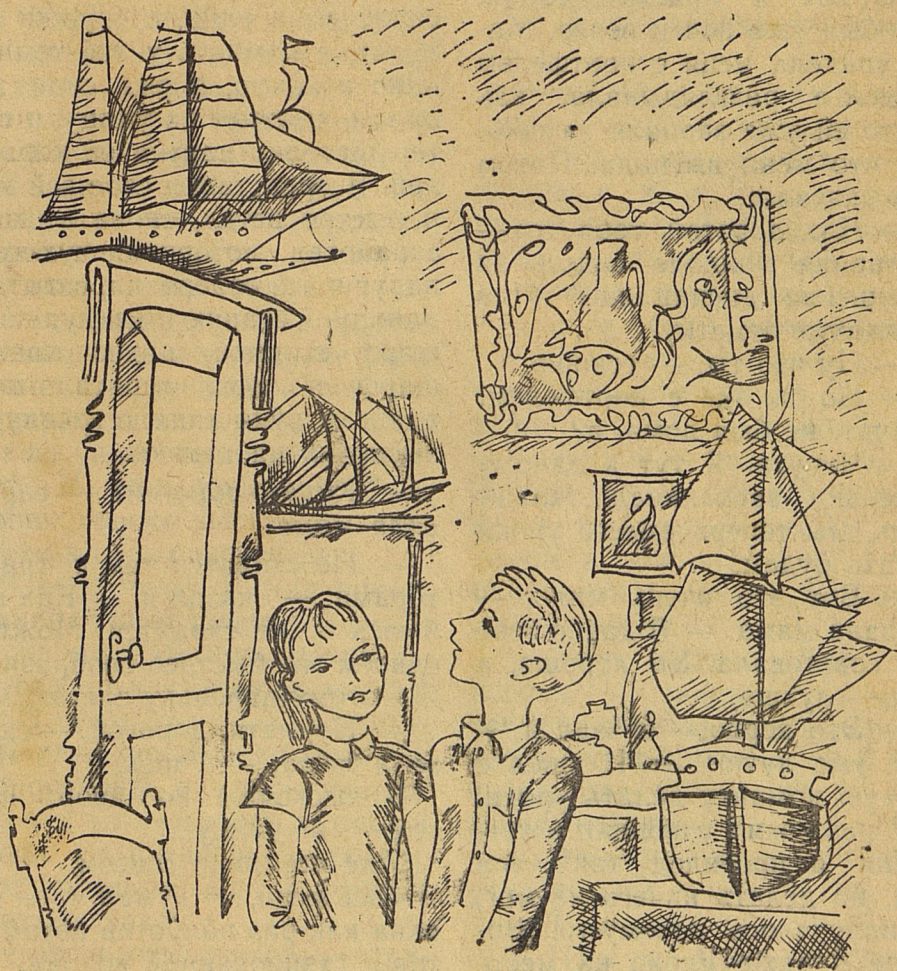
— Не знаю. Пропал. Исчез.

— А мама — что, тоже исчезла?

— Нет, мама не исчезла.

Паруса от ветра шевелились, я всё никак не мог прийти в себя и почти не слушал её.

Мне было так здорово, такое что-то непонятное со мной творилось, что всё во мне прыгало, и я чувствовал, что должен вот сейчас, немедленно что-то сделать. Вдруг я увидел в окно, что напротив, через

улицу, стоят автоматы с газированной водой, две штуки, и тут же мне так захотелось пить, так захотелось, ну просто ужас... Я даже чуть не выпрыгнул в окно, тем более что оно было совсем ненамного выше, чем простой первый этаж, — на капельку. Само собой, разумеется, я не выскочил, всё-таки неудобно, я схватил свой портфель и стал прощаться и выбежал на улицу. Смешно, но про воду я совершенно позабыл и помчался сразу домой, размахивая портфелем и напевая песню.

КОГДА я пришёл домой, был уже почти вечер. Мама увидела меня с портфелем и долго разглядывала, как будто ей уже звонили из школы, что меня выгнали. Потом она сказала:

— Что, дорогой, тебя что — заставили в школе сидеть за нарушение дисциплины? Или за плохую отметку?

— Ну что ты, — говорю.

— Но ты же с портфелем! Значит, не был дома, а?

— Чепуха. Я тут к одному пареньку заскакивал. Может быть, мы теперь вместе уроки делать будем.

— Вот это очень мило, — сказала мама. — Я давно тебе это советовала. Ум хорошо, а два — лучше.

— Это верно, — сказал я. — Два ума лучше. — И ушёл в другую комнату делать уроки.

Я разложил учебники и тетрадки и просидел так часа два, но делать ничего не мог, не получалось почему-то. Вообще я даже плохо на месте

сидел, будто во мне работал беспокойный моторчик: чух-чух, чух-чух, чух-чух... Он работал всё тише и тише, а потом заглох и перестал мне мешать, но с уроками всё равно ничего не получалось, и вдруг я почувствовал, что настроение у меня поганое-поганое. С чего бы это, думал я.

А как, между прочим, зовут эту девчонку? Нет, я не знал, я не спрашивал у неё.

А какой у неё номер школы?

А номер дома?

А квартиры?

Ничего я не знал!

Я представил себе, как она сидит дома одна, в кружки не ходит, в комнате у неё темно, окно открыто, а она сидит у окна и смотрит на улицу, и ветер шевелит паруса её кораблей. Я представил себе всё это и быстро встал, снова во мне заработал моторчик: чух-чух, вдруг я всё сообразил, схватил папину старую кепку, его шарф и очки, надел плащ; шарф и очки спрятал под плащ, в руки взял тетрадку и выскочил на кухню.

— Куда, дорогой? — спросила мама.

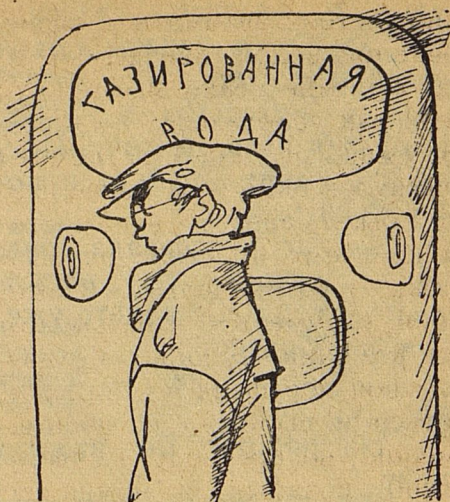
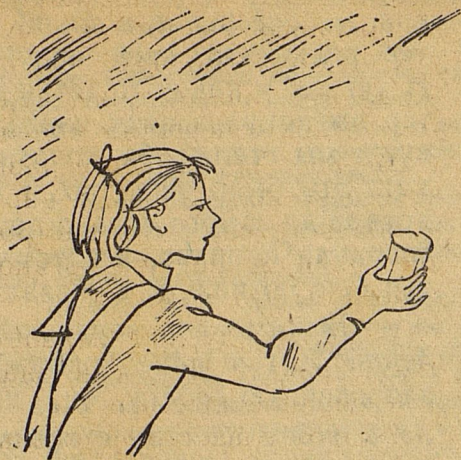
— Не сходится там с тракторами, — сказал я. — Как ни бьюсь — не сходится. Может, вдвоём мы быстрее сообразим. Я к этому пареньку слетаю.

— Ну, лети, дорогой, — сказала мама. — Учись.

Я выскочил во двор, после — на улицу...

Уже стемнело совсем.

«Всё ясно, — думал я, — её окна как раз напротив автоматов с газированной водой».

КОГДА я подошёл к этим автоматам, я не смотрел на окна, хотя узнать меня было довольно-таки трудно: очки, шарф, кепка, плащ — ничего этого на мне днём не было. Может быть, поэтому я всё-таки не выдержал и посмотрел и тут же вздрогнул, будто меня куснуло током, — так точно я всё отгадал.

Она сидела у окна и смотрела на улицу, а в комнате было темно, и паруса кораблей, наверное, шевелились, потому что на улице ветер дул страшный. И тоже почему-то было темно, только светились лампочки в самих автоматах.

Я отвернулся и стал искать стакан, чтобы попить, сначала на одном автомате, потом на другом, но стаканов не было. Ветром их, что ли, сдуло?!

Я стал крутить головой во все стороны и вдруг увидел, что она выпрыгивает из окна и бежит не глядя по сторонам, через улицу, ко мне. А в руках у неё — стакан.

— Возьмите стакан, — ска-

зала она, подбегая. — Вы пить хотите?

— Да, — сказал я басом. — Пить.

Наверное, я не брал стакан, потому что она сказала:

— Вы не стесняйтесь, пожалуйста, и пейте. Здесь вечером нет стаканов. Только утром и днём. То ли их кто крадёт, то ли прячут, чтобы не украли. А многие идут и хотят пить.

— Вот как, — сказал я басом и немного хрипло. От волнения, что ли. — З-занятно!

— Ну да, — сказала она. — Я, как увижу, что кто-то пить хочет, вылезая со своим стаканом и пою человека, а потом опять в окно залезаю... Залезу и жду.

— Чего ждёшь? Чего ты ждёшь?! — заорал я, а сам схватил себя за уши и дёрнул изо всех сил, потому что почувствовал, что сейчас, вот сейчас я зареву.

— Это я, — говорю. — Не узнала, нет?

— Кто вы?

— Ну... я, Алёша... Порт-

фель и всякое такое....

— Вас... не узнать... тебя совсем не узнать.

— Да, — говорю я. — Да. Не буду я пить, не хочу. Иди, надевай быстро пальто и пошли гулять.

— Сейчас, — сказала она, побежала через улицу, влезла в окно и тут же, в пальто уже, вылезла обратно.

— А мама где? — спросил я.

— На работе. Во вторую смену.

Мы пошли, наклоняясь вперёд, против ветра, и сразу же взялись за руки, чтобы не упасть от этого сумасшедшего ветра.

Она крикнула:

— А куда мы идём?!

— Гулять! — прокричал я. — Нечего тебе сидеть у окна. Просто будем гулять.

— Ладно! — крикнула она. — Всё равно в такой ветер редко кто пьёт воду! — И тут же у какой-то тётки ветер вывернул зонтик наизнанку, и мы стали оба хохотать, хотя это было нечестно, и хохотали до самого угла, а после свернули направо, и здесь ветер был потише, и я сказал:

— Бежим вон туда. Хочешь? Я там видел однажды здоровенную собаку, она несла в зубах авоську с продуктами, портфель и куклу, а на ней верхом ехала девочка. Хочешь, покажу тебе это место?

— Хочу, — сказала она.

— Ну, бежим, — сказал я.

И мы помчались, и я всё время думал, как легко и красиво я бегу, как настоящий бегун.

ШУТКИ РАДИ

Подготовила
Ф. МИРЕНЕР

Рис. Г. Ясинского

Мама. Как ты можешь идти в школу с такими грязными ушами?

Сын. Что же мне делать? Ведь других ушей у меня нет...

Вова с Мишей решили навестить друга, который живёт в соседнем селе. Мама им говорит:

— Куда же вы пойдёте на ночь глядя? Ведь не близко — двенадцать километров?

— Двенадцать? Это не страшно. Нас ведь двое, на каждого получится только по шесть.

ПЕРВАЯ книжка Екатерины Васильевны Серовой вышла пятнадцать лет назад — в 1953 году. Называлась она «Солнце в доме». Название оказалось символичным: действительно, стихи Екатерины Васильевны — всегда весёлые, светлые, насквозь пронизанные чем-то тёплым и добрым, — попадая в квартиры юных читателей, словно приносят им ласковые солнечные улыбки.

А книжки приходили к ребятам одна за другой. За пятнадцать лет — пятнадцать книжек. Последняя, вышедшая в 1967 году, — «Добрый великан». Видите: опять «добрый»!

Но стихи Е. В. Серовой могут быть и колючими, острыми. Крепко достанется в них лодырям, неряхам, пустым болтунам. Почитайте сборник её стихов «Единица или ноль?» — сами в этом убедитесь. А самая последняя книжка, которая ещё не вышла, но скоро появится в магазинах и библиотеках, будет называться «Ежовы рукавицы».

А что дальше? Над чем работает поэтесса сейчас? Конечно, над стихами. Над какими — читайте!

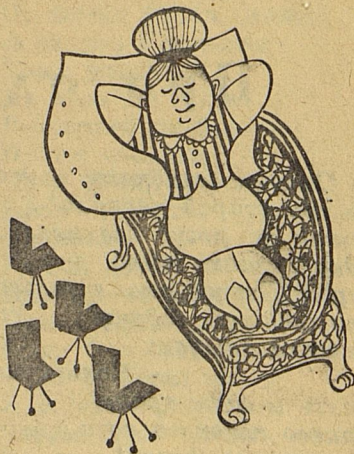
Екатерина СЕРОВА

Диван и гарнитур

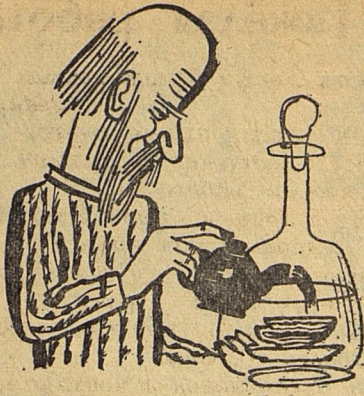
— На что это похоже,
Послушайте, Иван...
Ах, вы Диван? Ну что же,
Послушайте, Диван,
Скажите нам, зачем вы здесь?
Вы как-то обтрепались весь.
Соседство очень странное
Для избранных натур! —
Сказало иностранное
Семейство Гарнитур.
Шесть стульев неудобных
Вскричали хором:

— Впредь
Соседей, вам подобных,
Не станем мы терпеть!
Сказать вам откровенно,
Вы надоели нам,
Вы так несовременны,
Так мягки... Просто срам!
— Эх, болтуны скрипучие, —
Сказал Диван в ответ, —

Вы для парадных случаев
Пригодны, спору нет.
Но, утомясь немало
В парадной суетне,
Хозяюшка усталая
Придёт потом ко мне.

Рисунки Г. Ясинского

Графин и чайник

Графин был странный
гражданин:
Хвалился тем, что он —

Граф Ин,
Что всё на свете видывал,
А чайнику завидовал:
— Не понимаю, отчего
Ему такой почёт?
Неряха! Вечно у него
Из носика течёт! —
А чайник?

Он не отвечал
Графину-старик
И крышкой весело бренчал:
— Чайку!

Кому чайку?!

Рассказ утюга

Мне для друзей не жаль тепла,
Помочь я рад всегда.
Вот Простыня ко мне пришла,
Так сморщилась — беда!
Какая радость для меня —
Погладить, приласкать!
Помолодела Простыня,
Морщинки не сыскать!

.....

Ребята, я признаюсь вам,
Рассказ не без «начинки»:
Ведь можно и у пап и мам
Разглаживать морщинки.
Не утюгом, конечно,
Иначе.

Человечно!

Про одну резинку

— Опять с ошибками возня —
Пыхти, стирай чернила!
Никак не могут без меня... —
Одна Резинка ныла.
Сергей Петров решил впервой
Сложнейшую задачу!
Резинка хнычет:

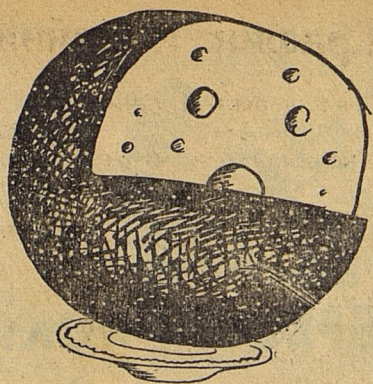
— Ноль кривой...

Опять я силы трачу!..
Какого славного кота
Нарисовала Зинка!
— Длина хвоста
Совсем не та! —

И стёрла всё Резинка.
Она любой смешной рассказ
Читала без улыбки
И даже хмурилась подчас —
Искала в нём ошибки.
Ей снилось —

Шепчется весь дом:

— Резинка — голова!
Все ошибаются кругом,
Одна она права,
Она — великий критик! —
Но все сказали:
— Нытик!

Храбрый сыр

Попа в хозяйке в руки,
 Вскричал Голландский Сыр:
 — Конец привычной скуке,
 Пора увидеть мир!
 Отважен я и молод,
 Пускаюсь я в полёт.
 Туда, где вечный холод,
 Туда, где снег и лёд.
 — На полюс он помчится! —
 Воскликнула Горчица.
 Петрушка с Сельдереем
 Шептались: — Вот храбрец!
 А мы тут захиреем,
 Завянем, б мы нец.
 Ах, если б мы рискнули
 Уехать далеко!..
 — Сбегу-ка из кастрюли! —
 Решило Молоко.
 Потом по всей квартире
 Болтливая Метла
 Молву о храбром Сыре
 Усердно разнесла.
 А Сыр лежал, как миленький,
 На полке в холодильнике.

Самая важная

*Хвалилась перед Полом Дверь:
— Я всех важнее! Сам
 проверь.
Смотри, какой гордец идёт —
Видал такую штучку?
Он всем другим едва кивнёт,
А вот со мной — за ручку!*

Тяжёлая работа

Зеркальный Шкаф сказал,
зевнув:
— Устал я нынче что-то...
Всем подражать я должен... Уф!
Тяжёлая работа!
Но я привык. Живу я так
С младенческих времён:
А с дураком — и сам дурак,
А с умником — умён.
Ни с кем не спорю ни о чём.
Советую и вам!
Я очень ловок с ловкачом,
А с прямодушным — прям.
Вчера злодеем стал я вдруг,
Причём неумолимым!..
— Да,— посочувствовал
Сундук, —
Трудно подхалимам!

Как он капал

Неисправный,
непригодный
Капал Кран водопроводный:
— Надо мыться,
мыться,
мыться!.. —
Капнул двадцать раз,
и тридцать,
А на тридцать первый раз
Убежал из кухни Таз.
— Мыться... мыться... — капал
Кран.

От нитья удрал Стакан.
А за ним Кастрюли
Тоже улизнули.
До чего уж Мыло
Вымыться любило —
Прямо обожало! —
Да и то сбежало.
Кран старался,
Изливался
Целый день.
И никто не умывался
Целый день!
Кран был озадачен:
— Я ж хотел иначе,
Я ж хотел хорошего —
Чтобы было чисто!.. —
Знала я похожего
Горе-активиста.

Рисунки П. Вискова

В ЮДП Володьку и Таира не принимали. Там Юрка Салахов всем заправлял. Он у этих ЮДПешников самый главный начальник.

— У вас ещё, — говорит, — нос не дорос. Вы ещё, — говорит, — нарушителя никак не можете задержать, такие клопы. Он с вами что захочет сделает. Катитесь отсюда.

Так обидно, что и сказать нельзя.

— Знаешь, Володька, давай будем за ними подглядывать. Подглядим, чем эти ЮДП занимаются и тоже станем, — сказал Таир.

Володька подумал немножко, потом печально сказал:

— Давай. Только всё равно это очень несправедливо.

ЗАСТАВА огорожена высоким забором. У ворот будочка, в будочке телефон, у телефона часовой стоит в зелёной панаме, с автоматом в руках.

Так что проникнуть через ворота и думать нечего. Мигом выставят.

Зато, если с другой стороны залезть в бурьян, в такой высокий, как лес, бурьян — будяк называется — да ещё стать на колени — ни один часовой тебя не приметит.

А ты в щёлку всё видишь.

НОВЫЙ СПОСОБ ДРЕССИРОВКИ

Вон в дальнем углу заставы стоят два приземистых длинных барака.

А вокруг них ограда из проволоочной сетки.

Туда ЮДП не пускают.

Туда даже не всякого настоящего пограничника пустят, а только командиров и проводников. Потому что в бараках, в отдельных клетках, живут пограничные собаки.

Такие здоровенные лохматые звери.

До того умные и сильные, что поверить трудно, если своими глазами не видел.

А Таир с Володькой несколько раз видели, как они работают.

Пограничник надевает ватник, а сверху ещё стеганный брезентовый халат, тоже на вате.

Длинный такой халатище, до земли рукава, как у Пьеро, и капюшон по самые глаза.

И пограничник в такой «бронированной» одежде бежит, петляет, а проводник пускает на него собаку.

Вот тут-то и начинается такое, что глядеть жутко. Здо-

ровенный зверина, с полови-
ну льва величиной, несётся
быстрее машины, прямо сте-
лется над землёй от такой
необыкновенной скорости. И
с разбега прыгает на погра-
ничника и сшибает его с ног.

От халата только клочья
летят.

Пограничник в халате сра-
зу замирает и сдаётся, пото-
му что делать ему больше
нечего.

Дела его очень плохие.

А собака сидит рядом и
сторожит. Ждёт, пока подой-
дёт хозяин.

Ждёт себе спокойно и об-
лизывается, а зубищи у неё...
как у крокодила.

Когда Володька с Таиром
первый раз увидели такое,
им даже жалко стало нару-
шителей. Хоть они и шпи-
оны.

— Слушай, ты не знаешь,
зачем они в шпионы идут,
дураки такие? — спросил
Володька.

Таир долго молчал, а ведь
он всю жизнь жил на грани-

це. Он думал. Потом сказал:

— Знаешь, Володька, ты
меня спроси что-нибудь по-
легче. Это очень трудный во-
прос. Я не знаю. Я и сам ду-
мал про это. Может, они
сумасшедшие? И собаки их
кусают, и пулями в них стре-
ляют, а они всё лезут к нам и
лезут. И всё равно же их ло-
вят, а они лезут. По-моему,
они сумасшедшие, Володька.
Надо у них спросить.

Так ответил Таир. Потому
что он не болтун. Он честный
человек.

В собачник не пускают да-
же Юрку Салахова, даром
что командир. А жалко. Во-
лодьке с Таиром очень бы
хотелось поглядеть, как это-
го опасного типа цапнули бы
разочек крокодильими зуба-
ми за одно место.

В ОБЩЕМ, из подглядыва-
ния ничего не получи-
лось. Да и что хорошего мо-
жет выйти из подглядыва-
ния?

И тогда Володьке пришла
в голову очень гениальная
идея.

Это после того, как они на
пограничных собак нагляде-
лись.

Володька даже присел. И
что-то быстро-быстро забуб-
нил себе под нос.

Таир сразу понял: Володь-
ка что-то замечательное при-
думал.

Раз присел и бубнит —
значит уж точно.

Таир присел рядом, ухо
выставил и стал слушать.

— Погодите, погодите! —

бормотал Володька и рисовал что-то непонятное прутиком на земле. — Теперь-то вы узнаете... нос не дорос... У тебя самого не дорос...

— Ну давай, говори скорее, не бормочи, — не выдержал Таир.

— Ты знаешь, что я придумал? — закричал Володька.

— Не знаю.

— Ага, не знаешь! А Филимон у нас есть?

— Ну есть, а что?

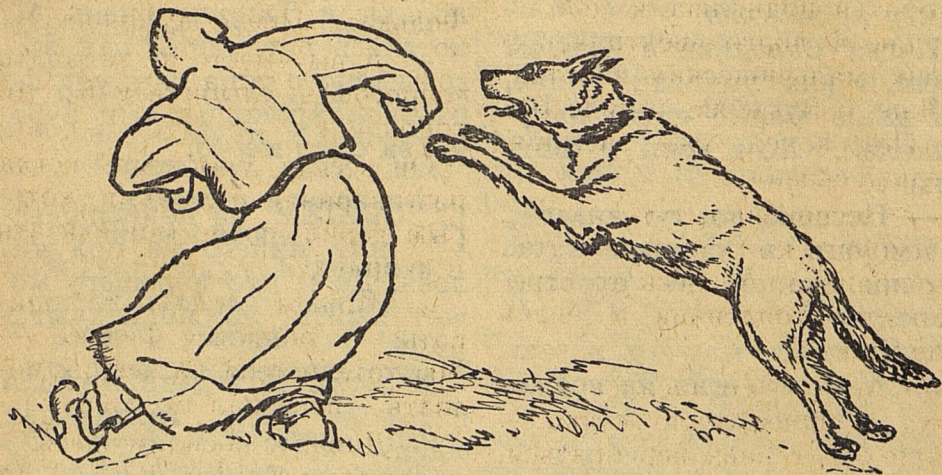
— Ха, что? Он ещё спрашивает! Он отважная собака?

будем Фильку тренировать. Только на это целый год или два надо! Думаешь, это легко? Мы к тому времени и сами вырастем, нас и так примут.

— Эх, ты! Год! Два! — заорал Володька. — В том-то и дело, что я придумал, как за два дня сделать Филимона совсем образованной собакой.

— Ну? — удивился Таир. — А как?

— А так! Понимаешь, это до того просто, даже удивительно, как никто до сих пор не догадался. Слушай: вот

— Самая отважная.

— То-то же! Сделаем из него настоящую ищейку, так нас не то что в ЮДП, а, может, в проводники возьмут.

— Э-э! Сказанул! Я-то думал ты и вправду что замечательное придумал, а ты... Глупость одна! — Таир разочарованно махнул рукой и сказал ещё такие слова: — Ты что ж, всё забыл? Мы ведь давно договорились —

если я чего не знаю, а ты знаешь, то ты мне расскажешь и я тоже буду знать. Правильно?

— Ага. Правильно.

— А собаке ты можешь это рассказать?

— Ну... могу. Только она же всё равно не поймёт.

— А почему?

— Глупости ты какие-то спрашиваешь. Разговаривать-то она не умеет!

— Эх, ты! Не умеет! Это ты по-ихнему, по собачьи, не умеешь. А если бы ты был собака?

— Сам ты собака!

— Ну и ладно, пусть я. Если б я был собака, я б Филимону по-собачьи в два счёта рассказал, как надо нарушителей ловить, понял?

— Ну да... вроде понял... Только ты ведь ещё не собака.

— И наплевать! Человеком-то ещё лучше. Человек что хочешь придумать может.

— Слушай, Володька! Я ведь, кажется, понял! Ты хочешь...

— Ну да! Конечно! Мы его посадим к самой учёной псине, и всё! Через два дня наш Филька будет такой образованный, что все ахнут!

— Ух, ты! Вот так штука! Ну, Володька! Ну, голова! Ха-ха! И никто не догадался! Столько мучаются, чудачки, пока одну собаку научат. А тут — раз, два — и готово! Как же ты... Ну, Володька!

Таир увесисто треснул друга по спине и поглядел на него такими восхищёнными глазами, что Володька даже засмущался.

— Да ладно, чего там, — скромно сказал он, — следующий раз ты чего-нибудь гениальное придумаешь. Делов-то! Это не трудно. Немножко подумаешь и придумаешь.

— Ладно, — согласился Таир.

ФИЛИМОН сначала веселился.

Он прыгал, кусал поводок, валялся на спине. И всё время улыбался.

Володька с Таиром тоже улыбались.

— Давай, давай, неграмотная собака, — говорил Таир, — беги быстрее. Скоро профессором станешь. Только, гляди, не зазнайся.

Когда подошли к забору собачника и полезли в известную только им узкую дырку, Филимон притих.

Потом он заскулил и стал вырываться.

Пограничные собаки молча глядели на них из своих клеток.

Так уж их приучили — помалкивать до поры до времени.

Было жутковато. Глядят на тебя с подозрением очень опасные звери и зловеще молчат.

Филька вдруг завизжал, заскулил, и глаза у него сделались такие перепуганные, будто его привели не уморазуму набираться, а на съедение.

Володька взял Филимона под мышку, сжал ему рукой пасть и прошептал Таиру:

— Во, видишь, самый здоровенный пёс, вон с краю, где Азот написано, его значит Азот зовут. Он, наверно, самый учёный. Давай, Таир, открывай дверцу, я туда Фильку засуну.

Таир вдруг засомневался. Громадный зверина, ну точь-в-точь волк, стоял перед

ним и внимательно глядел прямо в глаза.

Он, как и все, не лаял, не рычал, но было в его позе и глазах такое, что Таиру вдруг расхотелось открывать клетку.

— Слушай, а вдруг он нашего Фильку загрызёт? — спросил он.

— Ещё чего? Что он — ненормальный? Филька ведь ещё щенок. А большие маленьких не бьют. Даже собаки. Особенно такие учёные, — сказал Володька, но голос у него был не очень-то уверенный. Вся их затея вдруг показалась ему совсем не гениальной. «Какие-то эти собаки молчаливые. Может, они с Филькой и разговаривать не захотят. Может, у них тоже есть военные тайны», — подумал Володька. Но вслух сказал:

— Азот, Азо-тик!.. У-у, хорошая собачка! Ты нас не бойся. Мы тебя сейчас с Филимоном познакомим. Ты уж его, необразованного, научи, научи!

Азот кивнул головой, и губы у него чуть вздрогнули, обнаружив клыки.

— Видал? — зашипел Во-

лодька. — Соглашается! Давай, Таир, открывай!

Филимона Володька удерживал с трудом, тот бешено вырывался.

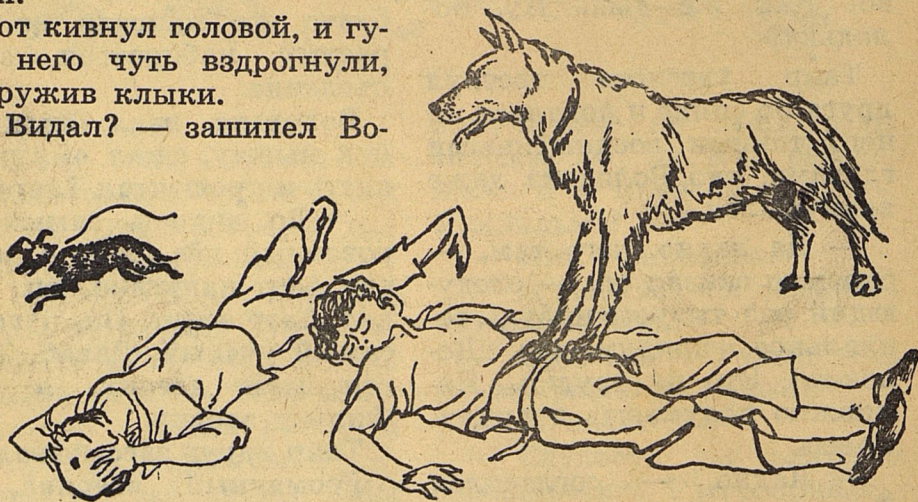
Таир глубоко вздохнул и отодвинул засов. В тот же миг молчаливый Азот толкнул своей широченной грудью дверцу, отшвырнул Таира и выпрыгнул на волю.

От неожиданности Володька выпустил Фильку, и тот, заливаясь пронзительным, истеричным лаем, заметался по собачнику.

Так же молча Азот прыгнул на Володьку, сшиб его с ног, поставил на живот когтистую могучую лапу и зарычал негромко, но так, что Володька первый раз в жизни понял много раз читанную фразу «кровь в жилах застыла».

Руки и ноги стали будто чужие, какие-то деревянные.

Таир, не дожидаясь Азота, сам шлёпнулся на землю и закрыл голову руками.

А Филька всё вопил дурным голосом и как слепой, натываясь на клетки, носился по двору.

Собаки больше не могли терпеть такого безобразия и тоже залаяли хриплыми непривычными голосами, заервничали.

Шум поднялся жуткий.

Только Азот помалкивал.

Он стоял, увесисто нажимая лапшей на Володькин дрожащий живот, да косился на Таира.

Стерёг обоих.

Ну, ПОТОМ, конечно, набежали пограничники. Сам начальник заставы майор дядя Коля Иванов прибежал.

Азота увели, Фильку выгнали.

А Володьку с Таиром потащили на расправу.

Но всё кончилось очень даже замечательно.

Таир с Володькой всё рассказали про необразованного Филिमона и про ужасного типа Юрку Салахова, и про новый способ дрессировки.

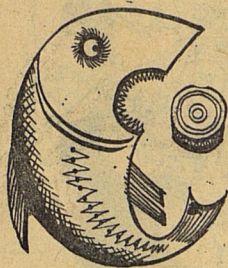
Дядя Коля Иванов велел забить дырку в заборе самыми большими гвоздями, какие нашлись на заставе, и так смеялся, что у него слёзы текли.

Вот как всё кончилось.

А в ЮДП их приняли.

По личному приказу начальника заставы дяди Коли Иванова.

Назло Юрке Салахову.

Сын. Папа, это правда, что большие рыбы едят сардинок?

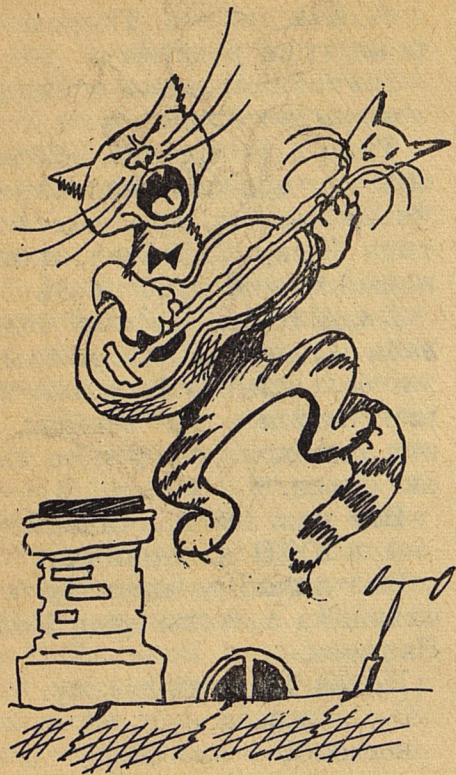
Папа. Да, мой мальчик.

Сын. А как же они открывают банки?

Ребята пишут сочинение на тему: «Что такое лень?»

В конце урока все ученики показывают свои тетради учительнице. Только у Вовы тетрадь осталась чистой. Лишь на первой странице надпись: «Вот что такое лень!»

Забавная история
Случилась как-то.
Вот...
Одну консерваторию
Окончил рыжий кот.
На крышах и на лесенках
С восьми и до восьми
Он распевал, как песенку,
Кошачью ноту «МИ».
Милейшие,
Милейшие,
Откройте окна спален!
Послушайте, милейшие,
Как я Мяу-зыкален!
Но почему-то публика
Сердилась, и в ночи
На крышу вместо бубликов
Летели кирпичи.
Один кирпич, старательно
Запущенный в кота,
Ударил основательно
По кончику хвоста.
Кот подлетел над крышею
И заревел от боли.
...С тех пор кота не слышали.
(Он отбыл на гастроли.)

Дельфин

В бассейне
Живёт черноморский дельфин.
Его изучает учёный один.
Учёный часами сидит у воды.
А после мудрёные пишет труды...
О том, что
Дельфины добры и умны
И, значит, понять мы друг друга
должны.
Учёному верят. (Ведь он
знаменит!)
Дельфин между тем за учёным
следит.
Дельфин этот
Сам изучает людей
И даже в подводной газете
Уже поместил среди прочих
статей
Свои наблюдения эти.

Рисунки В. Гальба

Случай на телевидении

Скажите, вы не видели?
Неужто вы не видели?!
Вчера на телевидении
Мой пёс играл собаку.
Играл он восхитительно...
Сначала — восхитительно.
А после с осветителем
Мой пёс затеял драку.
Всё кончилось иначе бы,
Но тут, конечно, начали!..
Кричать и топать начали.
А пёс мой был в ударе,
Спросил он: «Угрожаете?
Овчарке угрожаете?! —
Ну, вы сейчас узнаете!...»
И разорвал сценарий.
Помреж набрался смелости,
Совсем немного смелости...
Но пёс оскалил челюсти
И проворчал: «Попробуй!..»
Все люди были в целости,
В сохранности и целости,
Но на собачьи челюсти
Смотрели люди в оба.
— Собака без намордника, —
Взвыл телеосветитель, —
Скорей зовите дворника,
Хозяину звоните! —
Шепнул редактор:
— Камеру... —
Сказал редактор:
— Камеру. —
Редактор крикнул:

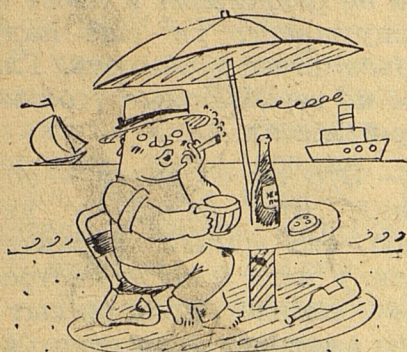

Рисунок В. Меньшикова

— Камеру!..
Скорее отключите! —
И тут пошли рычания,
Ворчания, кричания,
А после на экране я
Увидел чёрный круг.
Так кончилась заранее,
На целый час заранее,
Беседа под названием:
«Собака — это друг!»

Запах моря

Море пахнет парусами,
Ветром, солью, стариной.
Море пахнет небесами
И далёкой стороной.
Человек примчался к морю,
По песочку походил,
Бутерброды съел и вскоре
Сел в такси и укатил.
Говорят, частенько сыну —
Он рассказывал потом:
— Видел море,
Пахнет сыром,
Чесноком и колбасой. —
С человеком этим спорить
Не хочу, но жаль его..
Целый час бродил у моря
И не понял ничего.

ПОЛУЧАЙ, племянничек! — ещё в дверях закричал дядя Володя. — Прямо из Аф-ри-ки! Это понимать надо! — и он поставил на стол небольшой фанерный ящик.

Я очень люблю дядю Володю. Не всякому так повезёт — иметь дядю — капитана дальнего плаванья!

Я поднял лёгкую крышку. Внутри ящика, на белой жёрдочке сидело что-то вроде ящерицы.

Я вопросительно поглядел на дядю. Он захохотал:

— Не узнаёшь? Это же хамелеон! Что, никогда не видел живых хамелеонов? Бери! Любишься! Ишь какое... симпатичное чудовище!

Вот уж действительно симпатичное чудовище! Одна голова чего стоит! На затылке шлем с гребнем, рот «до самых ушей, хоть завязочки пришей». Глаза — настоящие корабельные иллюминаторы... И каждый — сам по себе! Вот один медленно повернулся и уставился на меня, а другой продолжает глядеть в угол ящика.

Острая спинка в мелких зазубринках — прямо пилка. Хвост длинный, спиралью свёрнут вокруг жёрдочки. А лапы-то! Гаечные клю-

чи, а не лапы! И они крепко-накрепко вцепились в палку.

— Спасибо! Вот здорово! — обрадовался я. — Ни у кого нет дома хамелеонов!

Дядя ликовал вместе со мной. Он так и сиял: блестяло его загорелое докрасна лицо, блестели золотые нашивки на кителе, блестели медные пуговицы.

— Что же ты не возьмёшь его? Бери, пересаживай... Ну, хоть на фикус...

Я решил попробовать.

— Как бы это тебя... — сказал я, собираясь взять хамелеона.

Странное это ощущение — будто не живое существо под пальцами, а игрушка из картона.

— А ну-ка, ну-ка... — бормотал я, забирая хамелеона в ладонь. Но тут оказалось, что вытащить его из ящика — дело не простое. Я тяну, а он лап не разжимает и хвост не распутывает, да ещё надуваться стал и темнеть. Глазам не верю! Прямо угольно-чёрным стал.

— Это он сердится, — объяснил мне дядя, — я уже знаю его милый характер. Если у него плохое настроение — темнеет. Если он сыт и всем доволен — шкурка делается светлой, почти белой. Этакий ангелочек! Ну, а если голоден и раздражён, то чё-

Лев СТЕКОЛЬНИКОВ

Рисунки П. Вискова

рен, как дьявол! Дай-ка, я попробую его вытащить.

Но и могучие ладони капитана не могли разжать лап хамелеона. Дядя вспотел, ругнулся, снял китель и попросил чаю.

— Он вылезет, Лёня, — успокаивал меня дядя Володя, — он же голодный. Как увидит муху, так и покажется... Вот только мух у тебя маловато. Открой окно, выставь блюдце с мёдом, — мигом налетят.

Мы пили чай и косили глаза на ящик. Вокруг жужжали мухи, но хамелеон не показывался. Прошло полчаса. Я подбежал к ящичку...

— Дядя Володя! Он сбежал!

— Прокараулили! — вздохнул дядя. — Видишь, какой интересный! Давай искать. Далеко уйти он не мог.

Мы обшарили фикус и аралию, перебрали лист за листом — нет как нет!

— Что за наваждение! — капитан поглядел на потолок, на стены, но там никого не было. — Ладно, давай пока сыграем в шашки.

Я уже почти пробрался в дамки, как вдруг, бросив взгляд на муху, сидящую на широком листе аравии, заметил, что она исчезла. Не улетела, а именно исчезла.

Я бросился к аравии:

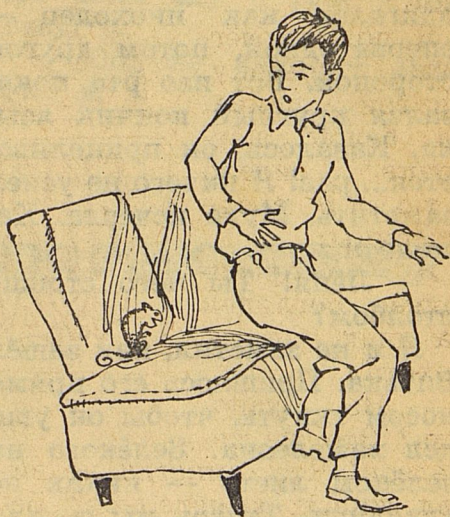
— Дядя Володя! Вот он!

Крепко зажав своими «гачными ключами» черешок листа, стоял хамелеон. Он не двигался, только большущий

рот слабо шевелился — он жевал муху.

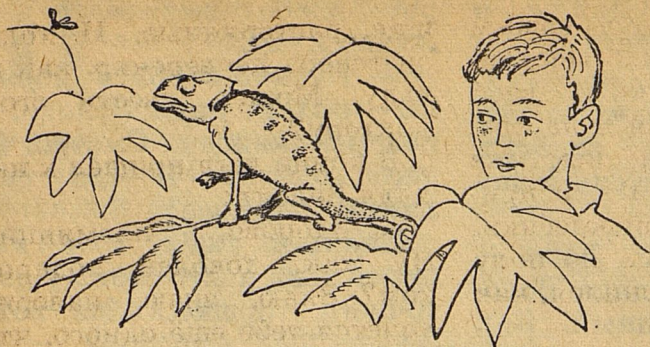
— Ну вот и всё в порядке, — сказал дядя Володя, — подарок найден. Смотри на него досыта. И — до свиданья! Мне пора!

Капитан ушёл, а я, как пришитый, долго стоял у цветочного горшка. Мне хоте-

лось подсмотреть, как хамелеон ловит мух. Прошло минут десять. У меня стали затекать ноги. Я топтался на месте, но терпел. Ещё десять минут... наконец-то! Муха села на лист и стала чистить лапки. Правый глаз хамелеона повернулся к мухе, левый смотрел на меня. И вот он решился — пошёл. Но как!

Торжественно и плавно поднялись сперва правая передняя и правая задняя лапы. Вот они вынеслись сантиметра на два вперёд и ухватили черешок. Теперь

Но и эти имена мне не понравились. Так пока и осталось без имени мое симпатичное чудовище. Надо было идти: Витька принёс билеты в кино.

Вернулись мы часа через два

и, конечно, не нашли хамелеона: он куда-то уполз.

— Ну уж и подарочек! — съязвил Витя. — Стой и карауль его целый день. Может, и ночью будешь стоять на часах?

Меня тоже стали раздражать вечные поиски. Усталый и злой, я плюхнулся на диван... и тотчас вскочил, как ужаленный.

— Что с тобой? — испугался Витька.

Нет, меня никто не укусил, но в тот миг, когда я валялся на диван, мне пришла в голову мысль: «Диван у нас зелёный, а что, если хамелеон...»

Именно так и случилось. Правда, мне и хамелеону повезло — я сел не на него, а рядом, чуть-чуть прищемив ему хвост.

И с этого часа настало у меня беспокойное житьё.

Я не мог отлучиться из дома: вдруг, думалось мне, папа возьмёт газету, сядет на диван и... Вдруг придут гости, а гостей всегда просят присесть на диван. Даже иногда приглашают прилечь, отдохнуть! И!..

поднялись левые лапы. Он двигался как иноходец — сперва одной, потом другой стороной. Вот изо рта показался круглый кончик языка. Казалось, он прицеливается... раз! Я ничего не успел заметить. Муха исчезла. Хамелеон жуёт.

— Лёня! Ты чего стоишь столбом?

Я и не заметил, как зашёл Витька. Пришлось его прямо носом ткнуть, чтобы он увидел хамелеона. Зелёного на зелёном листе — никак не углядишь. Теперь мы стояли и караулили вдвоём.

— Ты как его назвал? — спросил Витя, стоя ко мне боком. Он боялся потерять из виду хамелеона.

— Да никак ещё не называл.

— Так надо же имя дать!

И он стал имя придумывать:

— Хам!.. Верно, хорошо! Он, как увидит муху, сразу — хам! И нет её.

— Нет, — ответил я, не поворачиваясь к нему, — хам — это грубо.

— Можно и мягче, — быстро ответил Витя. — Хамчик, Хамуля, Муля...

А хамелеон вскоре совсем перестал дичиться: разгуливал, как невидимка по всей комнате, забирался и на обеденный стол — на нём же любят гулять мухи! — и принимал цвет жёлтой клеёнки. А то просто бродил по полу и при этом сам лоснился, как коричневый паркет.

— Что это с нашим мальчиком? — подслушал я однажды тревожный шёпот мамы, — у него стали какие-то странные глаза... блуждаю-

щие, растерянные. И ходит он теперь неуверенно, как по льду. Может, свести его к доктору?

В конце лета пришёл к нам дядя Володя:

— Здорово, племянник! Ну как, доволен подарочком? Знаю, знаю, наверно, хочется тебе ещё одного, чтобы была парочка. Отлично! На днях еду в рейс — привезу!

— Ой, не надо! — завопил я.

Вахит МАНАСЫПОВ

Куда бегут лекари?

- Ромашка, ромашка! Куда так спешишь?
- Как не спешить! Гиляз бабай простудился — горло у него болит!
- Полынь, полынь! Куда так бежишь?
- Как мне не бежать! Бабушка Сарби животом мается!
- Ландыш, ландыш! А ты куда?
- К тётушке Мунавара! Нервы у неё расшатались..
- Подорожник, подорожник!

А ты?..

— К дяде Хайрушу! С лошади упал! Шишку под глазом набил!..

— Крапива, крапива! погоди, куда так мчишься?

— Некогда мне, некогда! К Искандеру спешу. Мальчику соседскому. Уколоть хочу, проучить хочу! Опять сегодня, шельмец, двойку схватил!..

Рис. М. Бекташева

КИНО

В ДВУХ
СЕРИЯХ

Нам купили киноаппарат. Мы сняли фильм. Настоящий! Цветной!
Документально-фантастический! В двух сериях!
Сейчас сами увидите.

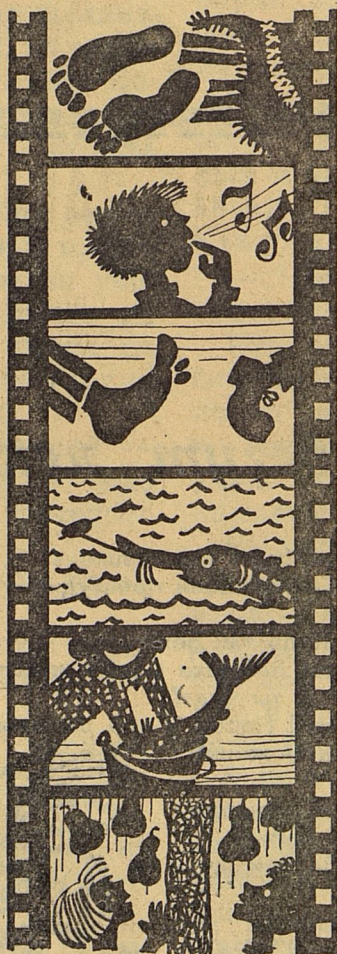
СЕРИЯ ПЕРВАЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ.

Вот на диване папа
спит
И смотрит сон
хороший..
Вдруг Лёша
свистнул, разбудил,
Ужасно папу
рассердил;
Вскочил с дивана,
И, грозя,
Бежит отец
за Лёшей.
А вот Володя
наш —
Ура! —
Из речки тянет
осетра.
Сияя от восторга,
Суёт его
в ведёрко.
А вот с Катюшей
вдвоём
Мы грушу —
дерево трясём.
Эй, не стойте
рядом, —
Сверху груши —
градом!

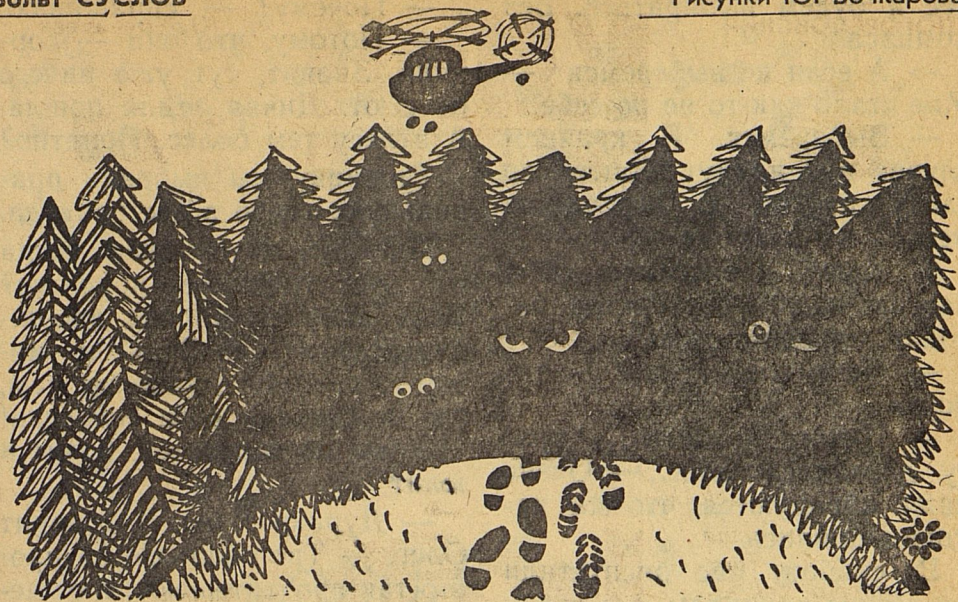
Конец первой серии.

СЕРИЯ ВТОРАЯ. ФАНАСТИЧЕСКАЯ.

Мы с Катюшей
вдвоём
Снова дерево
трясём.
Случай крайне
редкий:
Груши —
скок на ветки!
Вот Володя
Из ведра
Вынимает осетра.
Вот открыл он
рыбе рот,
Вот крючок туда
суёт,
И, восторга
полный,
Бросает рыбу
в волны!
Вот диковинное
тоже:
Папа пятится от
Лёши,
Лёша пятится за
папой,
Наскочил бы
косопалый,
Но догадливый
отец —
Шмыг под
одеяло!..
Нашей ленте
конец.
А верней, начало.

Правда, жаль, что лента такая короткая! Но ничего! Ведь её можно прокрутить ещё раз. Обратно.

НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ ЗАБЛУДИШЬСЯ

— Настоящий человек, — говорил Олег, — растёт в испытаниях, в столкновениях с трудностями. — Он вышагивал по комнате точно как наш Иван Евдокимович: из угла в угол, руки за спину.

А я сидел у окна и грустно соображал, что из нас ничего настоящего не вырастет. Потому что трудностей у нас никаких нет... Где их возьмёшь, эти трудности?

— Искать надо! — Олег остановился и уставился на меня. — Закалять волю, выдержку, выносливость...

— В поход идти? — догадался я. Но Олег посмотрел на меня так, будто я сморозил самую несусветную глупость.

И верно — глупость. В походе что? Ерунда какая-то...

В прошлом году мы ходили. Топали по асфальту, обедали в столовой, потом экскурсовод нам про какой-то дом рассказывал. Там на его месте стоял раньше другой дом, настоящий. А этот не настоящий — восстановленный. Вроде макета в натуральную величину. Мебель, правда, сохранилась настоящая. Но её в Москву увезли. А тут поставили такую же, но не настоящую. Хотя тоже в натуральную величину...

И тут Олег говорит:

— Я придумал. Мы — заблудимся!

— Как, — говорю, — заблудимся?

— Очень просто. В лесу. Поедем и заблудимся. Залезем в самый непроходимый

лес и будем выбирать. Без компаса.

— А если не выберемся? — Мне стало как-то не по себе.

— Выберемся. В крайнем случае нас найдут. Ищеек по следу пустят. С вертолётчиков искать начнут.

Я сразу представил себе, как нас ищут с вертолётчиков, находят, приводят домой...

— Ну и влетит нам! — говорю.

— Ничего не влетит, — сразу догадался Олег. — Очень даже обрадуются, что мы наконец нашлись.

В субботу нас распустили на летние каникулы, а в среду мы уже и поехали. Денег у нас было ровно рубль двадцать, мы их разделили пополам, взяли два билета по шестьдесят копеек и поехали. В обратный конец билетов решили не брать: неизвестно ещё, где мы выйдем после того, как заблудимся.

За окном мелькали дачи, садики, огородики, снова дачи, дачи... Иногда попадался лесок, и снова дачи, дачи...

Заблудились мы прямо на станции, куда приехали: там вокруг неё оказалось столько всяких домиков, заборчиков, что и не выберешься. Не поймёшь, куда и к лесу-то идти. Наверное, целый час выпутывались.

А потом как зашагали через поле! Красота! Птицы какие-то чирикают. Ромашек кругом! Будто снега с полюса нанесло.

Олег говорит:

— Это хорошо, что тут ромашек столько.

— Почему? — спрашиваю.

— Потому, что они — сорняки. Значит, тут уже ничего не сеют. Дикая земля пошла. А в лесу тем более. Понятно?

Тропинку мы выбрали правильную: точно в лес привела.

Идём по лесу и ждём, когда же эта тропинка кончится? Ведь должна же она где-нибудь кончиться! Ведь не может же быть тропинки там, где не ступала нога человека!

А она не кончается. Юлит и юлит.

— Дураки мы, — говорит Олег. — Тропинки же не просто так протаптывают, а от чего-нибудь к чему-нибудь.

Бросили мы тропинку и зашагали прямо по лесу. По кочкам, по кочкам, по ровенькой дорожке!

Сразу как-то веселее стало. Деревья кругом шепчутся. Трава какая-то растёт. Я в этой траве ничего не понимаю. Мы её по ботанике не проходили. Вот деревья проходили: ёлку, берёзу, кедр.

— Гляди, какая ольха! — говорит Олег.

Я посмотрел, а это и не ольха вовсе, а осина.

— Нет, ольха! — упёрся Олег. — Ольха самая настоящая.

— Осина! — говорю. — Видишь, листочки дрожат. Это у осины всегда дрожат.

— Сам ты осина!

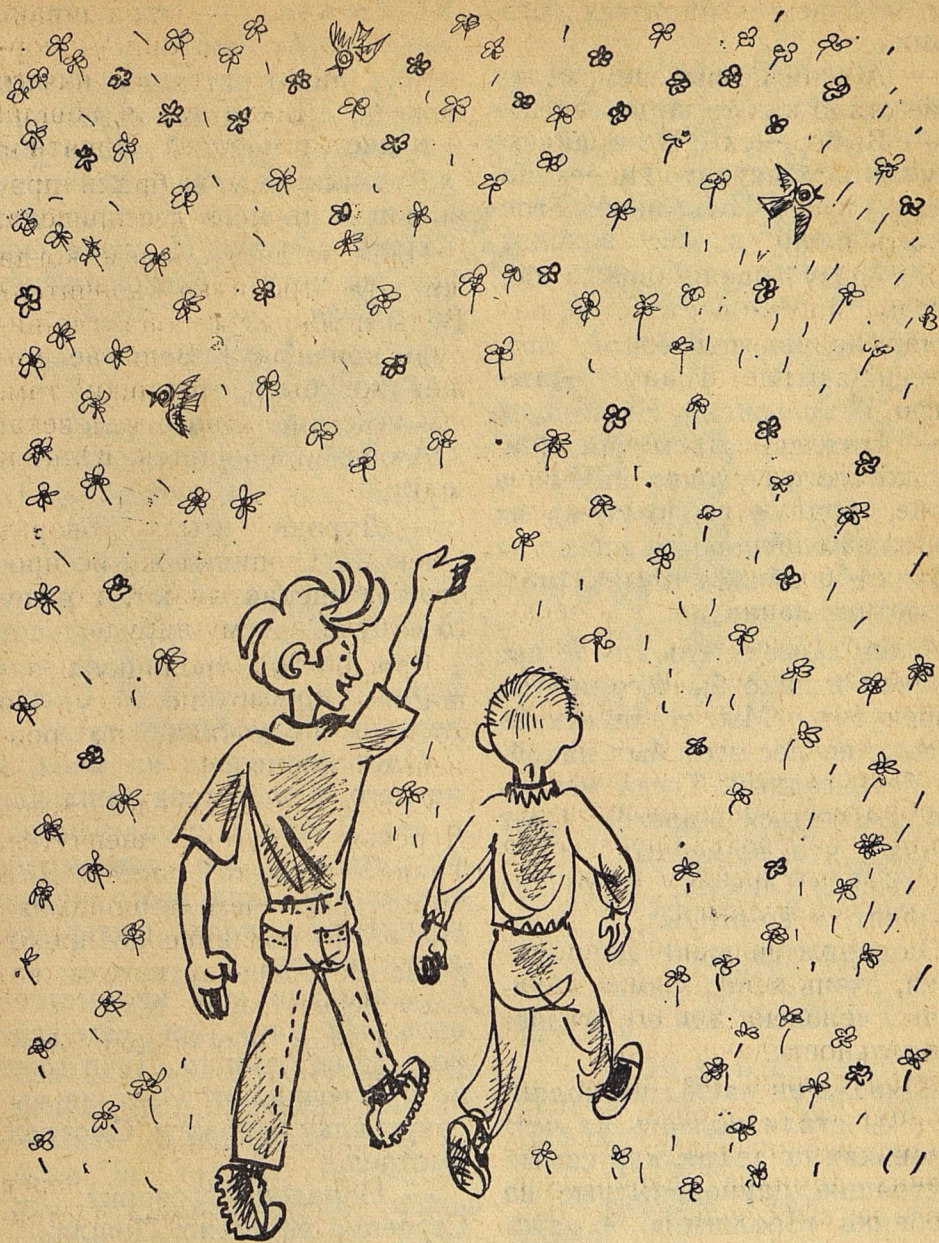
— А ты — дуб!

— Спорим, что ольха?

— А как докажешь?

— Спросим кого-нибудь.

— Кого же ты спросишь? —

говоря. — Нет тут никого. Мы же заблудились.

— Тогда, — говорит, — веточку ломаем. Когда выберемся, тогда и спросим.

Только он полез отламывать, только ветка хрустнула — кто-то как заругается:

— Вы чего же это черёмуху-то портите?! Ни цветов на ней сейчас, ни ягод, а вы ломаете! Лишь бы ломать! Нешто других занятий нету?

Как включили мы третью реактивную — только стволы замелькали. Старушка где-то

километра за три сразу осталась.

— Значит, ещё не совсем заблудились, — тяжело дышит Олег. — Но уже далеко зашли. Раз старушка — значит далеко. Пенсионеры всегда далеко в лес заходят. У них много свободного времени.

Сидим мы под ёлкой, прислушиваемся. Тихо... Даже птиц не слышно. Настоящий лес начался. Дремучий. Макушки сосен уходят далеко в небо, зелёные иголки на их вершинах цепляются прямо за облака, и облака плывут медленно-медленно...

Олег сказал, что это у нас привал и надо бы чего-нибудь перекусить. Мы стали искать ягоды, но лес этот был какой-то безъядный. Тогда мы решили питаться щавелём. Олег сказал, что, во-первых, он его из тысячи любых листочков отличит, а во-вторых, в щавеле содержится щавелевая кислота, очень необходимая организму человека для его жизнедеятельности.

Щавель он нашёл на полянке. Мы стали ползать на четвереньках по траве, как самые настоящие парнокопытные из учебника «Зоологии». Я даже вспомнил, что парнокопытные и травоядные — это одно и то же. Щавеля было много. Есть его было приятно: сразу и ешь, и пить не хочется, он такой кисленький-кисленький.

— Знаешь, почему его тут так много? — гудел Олег набитым ртом. — Потому, что здесь не ступала нога челове-

ка. Уж там, где она ступала, щавеля не найдёшь!

Тут мне в рот попала такая горечь, что я даже зажмурился, как от боли. А когда разжмурился — увидел девчонку. Стоит и на меня смотрит. А я на неё смотрю. И слова сказать не могу. Только плююсь от горечи.

— Что, одуванчик съел? — спрашивает девчонка.

— Какой одуванчик? — Олег обернулся в нашу сторону да как подскочит. — Ты тут откуда?

— Как откуда? — удивилась девчонка. — Я тут живу. Вон наша дача просвечивает.

Мы повернули головы — и верно: просвечивает. Сквозь деревья. Голубенькая такая...

Олег посмотрел на меня, я на него, и мы снова зашагали в лес. Я шёл и думал, что заблудиться — это совсем не так просто. Для этого нужно воспитывать волю, выдержку, выносливость...

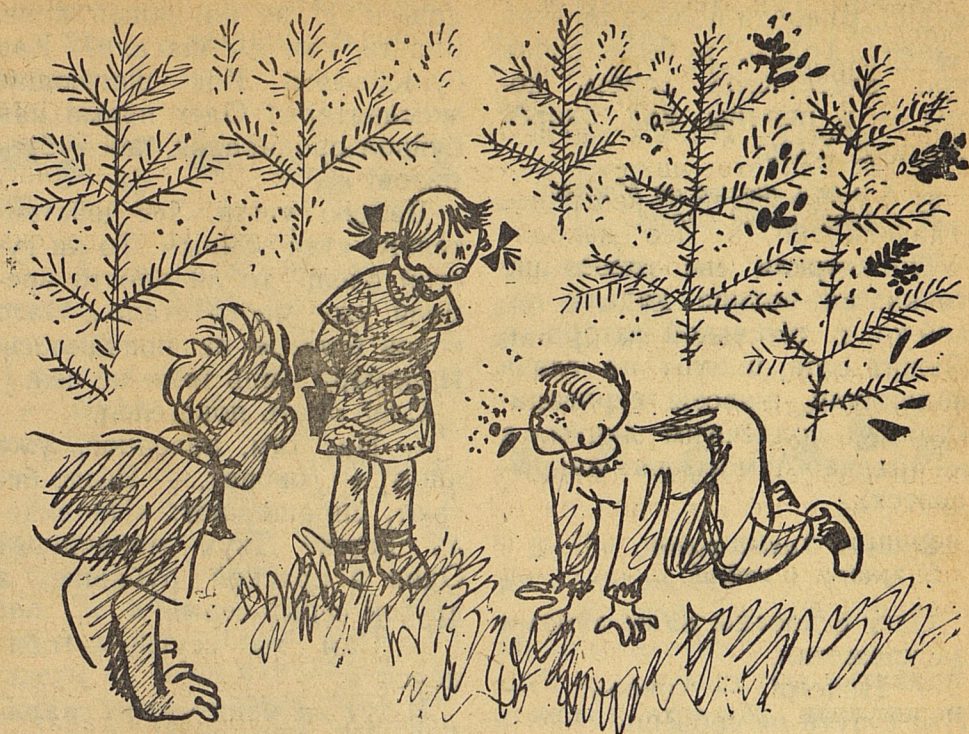
Протопали ещё километров пять. Ни «ау», ни «эге-гей» больше не слышно. Дачи тоже не просвечивают! Олег на высокую ёлку забрался. Смотрел, смотрел...

— Порядок, говорит. — Строений не видно. Пошли.

Шагаем. Веточки похрустывают. Я даже нарочно на них наступаю, чтобы хрустнули. Иду, смотрю вниз, как увижу веточку — хрусть! И вдруг гляжу — след! Здоровенный! Парнокопытный!

— Олег! — кричу. — Гляди! Тут лось ходил!

Олег обрадовался.

— Точно, — говорит. — Лось. Это хорошо. Теперь-то мы наверняка заблудимся. Лоси близко к домам топтаться не станут. Пошли по следу.

Я сразу запел «Мы идём, как следопыты», и наша экспедиция исследователей нехоженых троп двинулась дальше.

Идти по лосиному следу совсем не трудно. Во-первых, это не какие-нибудь заячьи следы, а будь здоров! Крупные следы. Во-вторых, их было столько, что они протоптали целую дорогу. Сначала лосиная дорога петляла сквозь кусты, потом вывела на просеку и пошла куда-то по лесному коридору всё прямо и прямо. По такой дороге шагать можно было смело. Олег развил такую скорость, что я да-

же стал отставать. Смотрю, только впереди его рыжая рубашка мелькает, и иду на этот ориентир.

Потом ориентир остановился. И даже задвигался мне навстречу.

— Идти дальше не стоит, — сказал Олег. — Там дальше под гору и поле.

— А лось?

— Коровы там... Целое стадо.

Свернули мы с этой коровой дороги в сторону и пошли куда глаза глядят.

Такое хорошее настроение было! А теперь шагаем и молчим. Шагаем и молчим. Через овраг какой-то перелезли. Олег опять оглядываться начал, прислушиваться. Тихо. И лосиных следов больше не

видно. Впереди поляна просвечивает. Только я было снова про следопытов запеть хотел — с поляны как заорёт Эдуард Хиль:

— А я иду, шагаю по Москве!
И я пройти ещё смогу!..

Посмотрели мы сквозь веточки: на поляне дядька какой-то с тётенкой загорают. Лежат себе, шляпы на глаза надвинули, животы перпендикулярно солнечным лучам, а на травке «Атмосфера» надрывается:

*Солёный Тихий океан
И тундру, и тайгу!..*

Олег с досады даже зубами заскрежетал.

— Ничего! — говорит. — Нас с пути не собьёшь!

Повернулся он на сто восемьдесят градусов и — напролом сквозь ельник. Только мне через плечо успел бросить:

— На солнце пойдём! До самого горизонта!

До самого горизонта мы не

дошли. И не по нашей вине. Знаете, как мы шагали?! Как бульдозеры! Как шагающие экскаваторы! Олег прямо как буйвол продирался, как зубробизон!

Далеко ушли. Лес действительно стал тёмным. То ли густой очень, то ли просто времени уже много стало... Зато коров больше не попадалось. И Эдуард Хиль тоже не пел.

Олег опять повеселел.

— Нас там, наверное, уже ищут, — говорит. — Везде бегают, спрашивают: «Не видели детей? Двух мальчиков? Один в красной рубашке, а другой серый-серый?»

— Сам ты серый, — обиделся я.

И тут на меня что-то свалилось. С дерева. Я сначала думал — рысь. Но она почему-то не царапалась. Прижала меня к земле и пыхтит. А в лесу сразу всё вокруг заорало:

— Попались! Попались!

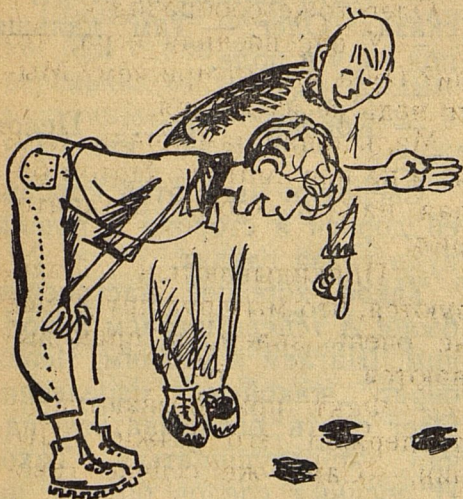
Я вырвался, вскочил, хотел в сторону прыгнуть, но тут кто-то как завопит:

— Держи его, Пыпин! Не отпускай!

И в меня тотчас же вцепился какой-то рыжий дылда.

Смотрю — и на Олега какие-то мальчишки набросились. Олег отбивается. Вокруг него какой-то толстяк в белой панаме прыгает.

— Вяжите их! — кричит. — Вяжите!

Олег этой панаме как врежет! Тот и с катушек. Вскочил и снова к Олегу.

— А драться нельзя! — кричит. — Анна Леопольдовна сказала не драться! — И опять с верёвкой к Олегу.

— Видал я твою Анну Леопольдовну в белых тапочках! — гудит Олег, отбиваясь.

Я тоже рыжему головой в живот угадал. Но он, дылда, и падая всё равно меня зацепил. За ноги. А сверху ещё кто-то в треугольной шапке из газеты на меня навалился. На Олега тоже человек пять накинулись. Руки нам всё-таки связали.

— Где штаб? — спрашивают.

— Какой ещё штаб? — орёт Олег.

— Главный! Главный штаб! — кричат.

— В Ленинграде, — говорю. — На Дворцовой площади. Немедленно развязывайте! Чего вам от нас надо?

Белая панама прямо петухом наскакивает:

— Не говорите, да? Военная тайна, да? Всё равно узнаем. Пыпин, допроси!

Рыжий дылда вперёд протискался.

— Из какого отряда? — спрашивает. — Из третьего?

— Из пятьдесят восьмого, — крутит руками за спиной Олег. — Чего вы привязались?

Белая панама к Олегу:

— Будешь говорить? — и кулак к носу Олега суёт.

— Вы что, — отворачивает голову Олег, — круглые дураки, или прямоугольные? Мы же вас не трогали!

Белая панама, как самовар, раскипятился.

— Какие? — шипит. — Прямоугольные?

Олег как даст ему коленкой в живот, тот так пополам и перегнулся. Остальные как завопят:

— Нельзя драться! Нельзя! Так нечестно! Мы Николаю Викторовичу скажем! Он вас из лагеря выгонит!

Тут я начал догадываться, что к чему.

— Из какого лагеря? — спрашиваю.

Олег тоже сообразил:

— У вас военная игра, что ли? Ну а мы тут при чём? Мы-то ведь не из лагеря.

Мальчишки замолчали. Стоят и на нас смотрят. Потом белая панама опять затараторил:

— Прикидываются! Пользуются, что мы друг друга ещё не очень знаем, и прикидываются.

— Факт, прикидываются! — поддержал его рыжий Пыпин. — Сами же сейчас гово-

рили: «Не видели детей? Двух мальчиков? Нас уже ищут!»

— Да мы же только сегодня из Ленинграда выехали! — говорю. — Билеты по шестьдесят копеек покупали. Мы не лагерные вовсе.

Белой панаме от этого ещё веселей стало:

— Во дают! Артисты! Пыпин, запиши их в драмкружок!

Тут мальчишка в газетной шапке засомневался:

— А может быть, они и верные... не наши?

— Конечно, не ваши, — загудел Олег. — Мы — наши. Мы из Ленинграда.

Ещё один мальчишка на нашу сторону встал.

— Я, — говорит, — третий год в лагере, а этих не видел. Может, новенькие какие?

Нас бы, наверное, совсем отпустили, но этот бочонок в панаме снова за своё взялся.

— Военная хитрость! — кричит. — Только ничего у них не выйдет. Ведите их в лагерь, там разберёмся.

Мальчишки стали нас толкать в спины.

— Руки развяжите, — попросил я.

— Ни в коем случае! — заорал белая панамы. — Так дойдут.

— Тогда шиш вам! — сказал Олег и сел на землю.

Я тоже сел.

— Никуда не пойдём, — сказал Олег.

— Ага, боитесь! — заорал опять белая панамы. — Начальник-то вас сразу узнает. Вот вы и боитесь. Он вам покажет «наши-ваши»! Вот ска-

жу ему, что вы правила нарушили, — он вас за драку и выгонит!

Мальчишки толпились вокруг нас и о чём-то перешёптывались. Потом над нами снова появился дылда Пыпин и приказал другим мальчишкам:

— Берите их!

Нас взяли и понесли. Прямо на руках. Как на санитарных носилках. Олег подмигнул мне: пускай, мол, тащат. Нам-то что?

Ну они и пыхтели часа два. Остановки делали. Темнеть уже стало, когда дотащили.

— Откуда это? — спрашивает какой-то дяденька.

— Это, Николай Викторович, мы их в плен взяли! — затараторил белая панамы.

— Из какого отряда?

— Не признаются. Идти пешком отказались. Пришлось нести. — Белая панамы просто заикался от радости. — Знаете, какие они тяжёлые?

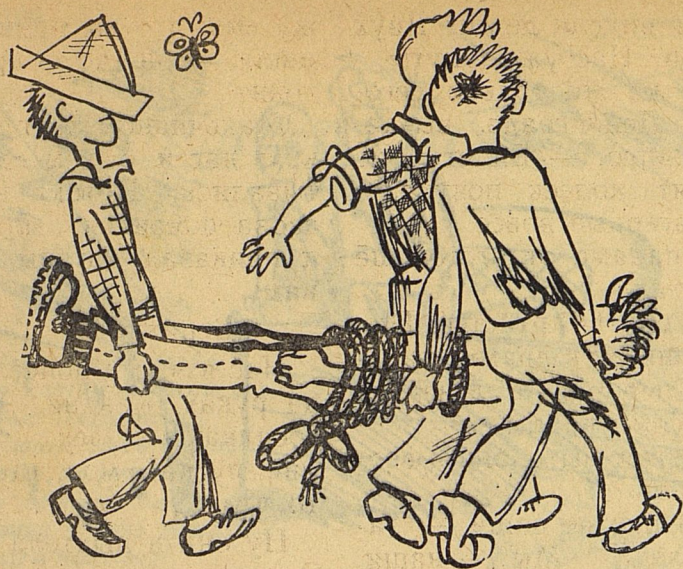
Николай Викторович задумался.

— Развяжите, — приказал он.

Руки у нас порядком затекли. Даже верёвки в кожу врезались.

— Вы из какого отряда? — спрашивает Николай Викторович.

— Ни из какого, — спокойно говорит Олег. — Мы не из лагеря. Я этим дубам объяснял, а они не верят. Сорвали нам поход, руки связали. Сюда вот приволокли. Безобразия. Я в «Пионерскую правду» напишу обо всём.

Белая панама сделал обиженное лицо и снова затараторил:

— Мы их про штаб спрашивали, а они дерутся. Этот вот мне ка-ак стукнул!..

Вокруг нас собралась уже порядочная толпа. Докторша в белом халате, физрук, вожатые, воспитательницы. Ребята стеной окружили.

— Эй, Пыпин, — кричат. — Как это вы свой штаб-то проворонили? Мы его ещё часа два назад нашли!

— Мы зато пленных взяли, — бубнит дылда не совсем уверенно.

Николай Викторович руку поднял: чтобы все замолчали, значит.

— А где вы живёте? — спрашивает.

— В Ленинграде, — говорю, — на Охте.

— Ну а сейчас? Летом? — засуетилась докторша.

— И сейчас на Охте. Мы только погулять выехали. И билеты брали, — говорю. Олег полез в карман и нашёл наши билеты.

— Как же так? — всплеснула руками докторша. — Николай Викторович?

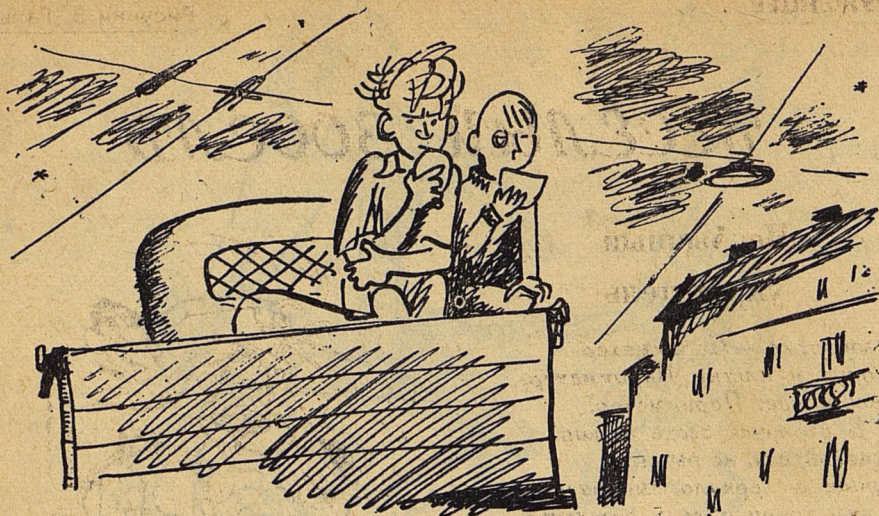
Николай Викторович снял очки и начал их протирать.

— Тут, Анна Леопольдовна, какое-то недоразумение...

— Хорошенькое недоразумение! — заворчал Олег. — Схватили, избили, связали... Недоразумение!..

— Да мы... — начал белая панама, но Николай Викторович ещё раз поднял руку, и воспитатели тотчас же погна-ли ребят в столовую, ужинать.

— Какое безобразие! — разохалась Анна Леопольдовна. — Я же говорила!.. Нельзя было отпускать ребят в лес одних, без взрослых!.. Схватили!.. Избили!.. Связали!..

— Пойдёмте со мной, — сказал нам Николай Викторович и зашагал по дорожке.

ДОМОЙ мы возвращались на лагерном грузовике. Шофёр ехал в город за продуктами и заодно отвозил нас.

Мы подпрыгивали в оцинкованном кузове и дожёвывали какой-то пирог, который нам сунула на дорогу Анна Леопольдовна.

Когда пирог кончился, замелькали дома, дома, дома... Мы въехали в город, и машина остановилась.

— Дорогу-то домой найдёте? — спросил нас шофёр.

— Найдём, — сказал Олег, вылезая из кузова.

Мы молча зашагали через мост. Не знаю, о чём думал

Олег, наверное, о трудностях, которые нам так и не удалось преодолеть: попробуйте-ка заблудиться в лесу, когда там деревьев меньше, чем разных домиков. Я думал о том, что нам сейчас крепко влетит...

— Далеко ещё топать? — спросил я.

— Не знаю, — как-то безразлично пожал плечами Олег.

— А вам собственно куда? — спросил нас какой-то дяденька, шагавший рядом.

— На Охту, — ответил я.

— На Охту? — остановился дяденька. — Так чего же вы не в ту сторону-то идёте?

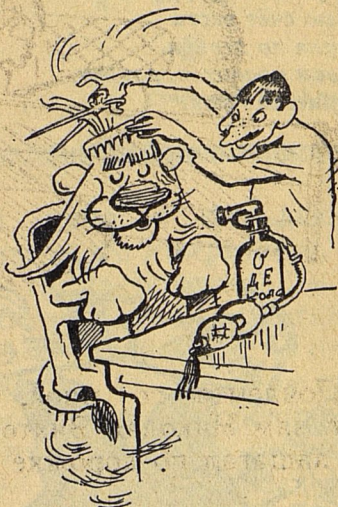
Я тоже остановился. И Олег тоже.

— Ну вот, — сказал он, — наконец-то мы заблудились!

ВЕСЁЛЫЙ ЗООСАД

Необычный укротитель

В зоопарке — Парикмахер.
Входит в клетку Парикмахер,
Льву кивает Парикмахер:
— В уголочек сесть прошу!
Успокойтесь, не рычите,
Лучше в зеркало смотрите, —
Я вам гриву в день рожденья
Подстригу и причешу!

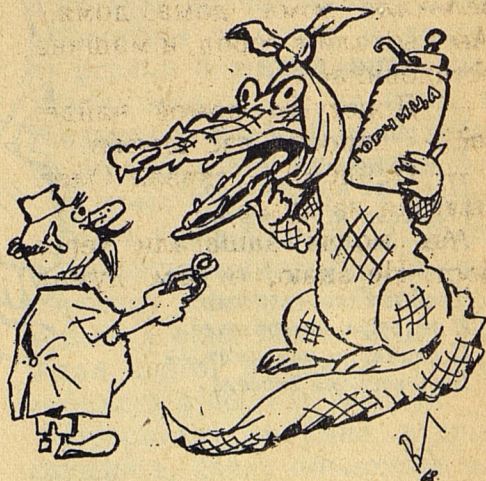

Попугай

Эй, болтун Попугай,
Ты за мной не повторяй
Всё без исключения!
Дай ответ, дай ответ,
Ты имеешь или нет
Собственное мнение?

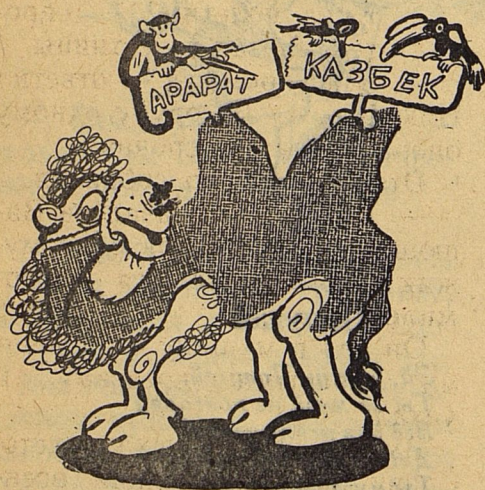
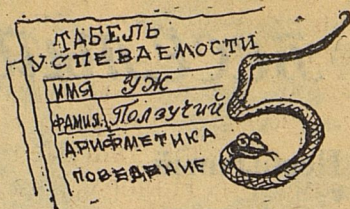
Невежливый больной

Жалко, жалко Крокодила,
Потерял он аппетит!
Врач спросил у Крокодила:
— Милый, что у вас болит?
— Поскорее помогите! —
Крокодил сказал врачу, —
Вы мне зубы подлечите,
Я вас мигом проглочу!

Хвастливый уж

Уж ужасно деловит,
 Всем он важно говорит:
 — Я тружусь, я не ленюсь,
 То восьмёркой изогнусь,
 То стараюсь показать
 Цифру «2» и цифру «5».
 Я умею счёт вести
 От нуля до девяти.
 Как вам нравится, друзья,
 Арифметика моя?

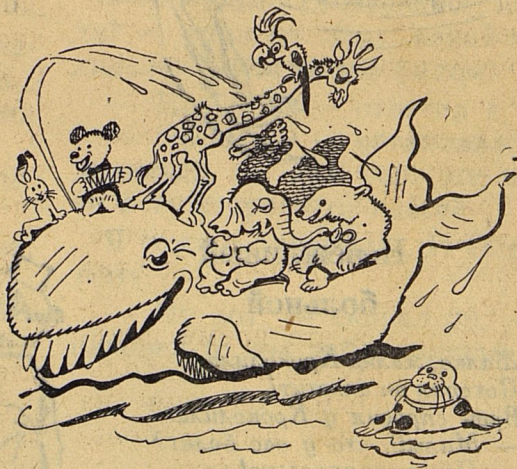

Самый сильный

Лошадь звякнула подковой:
 — Груз тяну я стопудовый!
 Протрубил могучий Слон:
 — Мне под силу десять тонн! —
 Эй, друзья, зачем хвалиться?
 Вам с Верблюдом не сравниться!
 Он всю жизнь — поверьте мне —
 Возит горы на спине!

Про кита

Вот обида! Вот беда!
 В зоопарке нет кита!
 Нет кита и не бывало,
 Неужели места мало?
 Надо вырыть водоём,
 Чтобы кит купался в нём,
 Чтоб катало чудо-юдо
 И жирафа, и верблюда,
 И слонят, и медвежат, —
 Весь весёлый зоосад!

КАК-ТО в ночную грозу острая молния ударила в дерево. Ровно, точно пила, она срезала верхушку, оставив старый, широкий ствол. Всю долгую зиму ствол сох, умирал, а по весне вдруг ожил, зашумел птичьим гомоном. Наверху, на самом срезе, молодые аисты свили гнездо. Белые, длинноногие, они по утрам будили Ванюшку, и тот, открыв глаза, громко на всю избу объявлял:

— А у нас на дереве растут птицы!

— Не растут, а цветут, — поправляла его младшая сестра Томка.

— Растут, — упрямо повторял Ваня.

— Нет, цветут, — твердила Томка. — Вот увидишь, как осенью они опадут вместе с листьями.

И правда, осенью случилось почти так, как говорила Томка.

В один из дней разразился над деревьями сильный ветер. Гнездо накренилось, и испуганные птицы улетели на болото.

Ванюшкин отец взял лестницу, приставил её к дереву и забрался на самый верх. Он положил гнездо на место, укрепил его попрочнее и стал спускаться.

Как раз в это время подъехала к дому машина с большими красными крестами на кузове. Из неё вышел больничный шофёр Никифор.

— Я за вами, — сказал он отцу. — Доктор велел: заби-

В. ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ

Кормилец

Рисунки В. Адаева

рай немедля фельдшера и привози его к вертолёту.

— Куда полетим? — спросил отец, слезая с лестницы.

— В леспромхоз, — ответил Никифор. — Лесорубу одному операция нужна срочная.

Отец торопливо собрался.

— Ну вот, — сказал он Ванюшке, — ты теперь один мужик в доме остаёшься — кормилец.

Он сел в машину с большими красными крестами и уехал.

Вместе с ним уехало лето. Сразу зарядил мелкий осенний дождь, и дряблые жёлтые листья, бесшумно прочерчивая в воздухе кривые линии, стали опускаться в бочку с водой, от резких порывов ветра протяжно заскрипела калитка, и спелые яблоки глухо застучали по набухшим доскам сарая.

В доме стало тихо и пусто.

Мать ушла на ночь работать в швейную мастерскую, Томка улеглась спать, а Ванюшка уселся у окна ждать отца. Он ждал долго, а потом, устав, забрался в постель и уснул.

Проснулся он рано, а проснувшись, сразу посмотрел на

кровать, где всегда спал отец. Отца не было. Пятнистый кот Макарка, развалившись на подушке, тёр лапами морду.

Мать, вернувшись с работы, прогнала его и подошла к Ванюшке.

— Ты вставай, — сказала она. — Ты теперь кормилец наш. Один мужик в доме.

— Один, — ответил Ванюшка, — кормилец.

Он оделся и вышел во двор. На дворе было светло, но сыро. Неяркое солнце дробилось в лужах. Возле старых брёвен копошились куры. Красные дождевые черви, выгибаясь, ползли по дорожке. Ванюшка посмотрел на скворечник. Тот, мокрый от дождя, молча гля-

дел на двор своим одним глазом.

Ванюшка прошёл мимо него, раздумывая о том, что сейчас ему надо мать и сестру кормить, потому что один он мужик в доме — кормилец. Дойдя до сарая, он остановился и огляделся вокруг.

Молодой петух, разгребая лапами землю, кликал кур. Те сбегались со всего двора и склёвывали всё, что петух раскопал для них.

— Во! — сказал Ванюшка и ударил себя по лбу. — Петуха на обед!

Пригнувшись, он начал подкрадываться к петуху, но тот, заметив его, стал с клёкотом отходить. Ванюшка весь напряжился, приготовился к прыжку. Петух замер, вытянул шею и, бормоча что-то грозное, уставился на Ванюшку маленьким злым глазом. Ванюшка изловчился, прыгнул, упал грудью на петуха, но тот, выскочив из-под него, с протяжным криком полетел на другой конец двора.

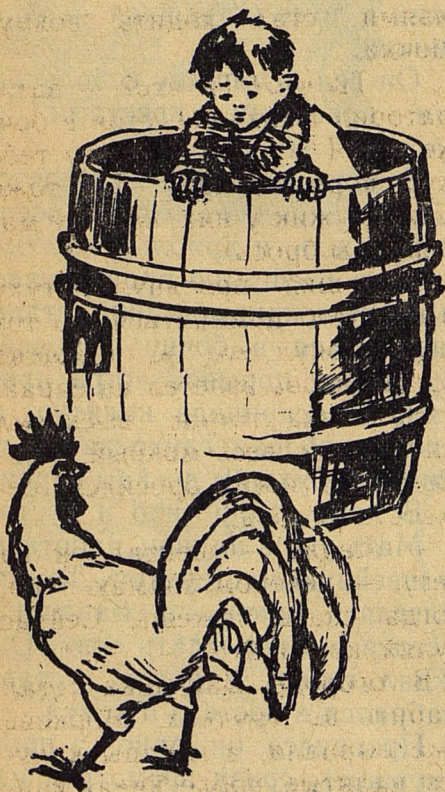
— Стой! Стой! — закричал Ванюшка.

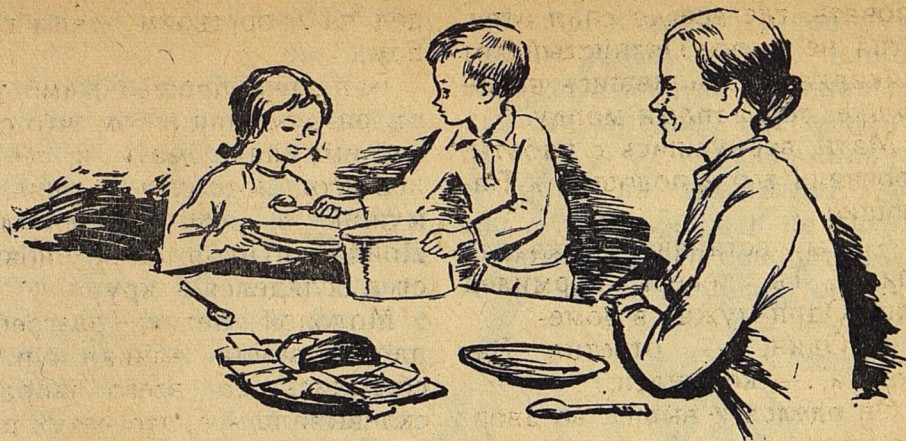
Он вскочил, потёр ушибленное колено, взял горсть земли и вновь крадучись пошёл к петуху.

— Цып, цып, — ласково приговаривал он, рассыпая перед собой землю.

Петух, косясь на него, испуганно крича, отходил всё дальше и дальше.

— Да ты не бойся, — стал уговаривать его Ванюшка. — Плохого тебе я не сделаю. Ты пойми, мне мать с сестрой кор-

мать надо, а чем? Я теперь один мужик в доме, что мне делать? Ты петух умный, всё поймёшь. Ты уж не убегай. Я из тебя суп сварю, а что останется, то твоим курам отдам.

Петух заметался в углу двора. Ванюшка подходил всё ближе, широко расставив руки. Ещё миг — и он бы схватил петуха, но тот вдруг подпрыгнул, взмахнул крыльями, перелетел через голову, больно ударив Ванюшку острыми когтями.

— Ах ты так! — закричал Ванюшка.

Схватив прут, он снова пошёл на петуха. Тот забился в угол, между сараем и домом, крича и зовя кого-нибудь на помощь.

— Попался! — сказал Ванюшка и протянул к нему руки.

Петух зло шёлкнул шпорами и клюнул его в руку.

— Ты что? — сказал Ванюшка и выронил прут.

А петух тем временем взлетел на сарай.

Ванюшка, встав на край бочки с водой, ухватился за крышу и хотел подтянуться, но нога его сорвалась, и он плюхнулся прямо в бочку.

Петух от радости закричал, слетел с крыши и, отшвыривая землю, махая хвостом и крыльями, стал ходить вокруг бочки.

— Ты что? Ты что? — затараторил Ванюшка, стоя в бочке. — Я ж понимаю, что тебе кур кормить надо. Ты тоже один мужик у них, как я у матери. Ты брось.

Ванюшка протянул петуху руку, чтоб помириться, но тот зло клюнул его и, истошно крича, вновь взлетел на сарай.

Ванюшка тотчас выскочил из бочки и, весь мокрый, с синяком на ноге, бросился бежать в огород.

— Ладно, — шептал он на бегу, — вечером поймаю тебя, когда спать ляжешь. Сейчас гуляй, корми кур.

В огороде Ванюшка стал шарить на грядках. Морковь уже вырвали, а кочаны капусты налитые, поблескивая кап-

лями воды, стояли в ряд. Ванюшка срубил кочан, потом пошарил на огуречной грядке и нашёл три больших жёлтых огурца.

— Хватит им на утро, — сказал он и пошёл домой, обходя стороной петуха, который победно кричал, стоя на брёвнах.

Отворив дверь, Ванюшка, шумно топая, как отец, вошёл в комнату.

— Ох! — сказала мать и всплеснула руками.

— Ох! — сказала Томка и тоже всплеснула.

— Ты где был, разбойник?!

— Еду добывал, — сказал Ванюшка.

— Какую еду! — закричала мать. — Штаңи вывозил, рубаху разорвал!

— Огурцы семенные сорвал, — вставила Томка.

— И вправду, — сказала мать. — Что ж я на следующий год высею?!

— Я кормилец, — сказал Ванюшка.

— Я от покажу тебе — кормилец! — закричала мать. — Уходи с глаз долой!

Ванюшка выскочил во двор и побежал в сарай. Там он сел на мешки и, чуть не плача, стал думать. Он думал долго, а потом решил: не буду больше кормить их. Лишились они кормильца. Пусть как хотят живут.

Услышав, как мать вышла на крыльцо и направилась к сараю, он вскочил и запер дверь на крюк.

— Ванюшка, — сказала мать, дёргая дверь, — иди домой.

— Не буду тебя кормить! — сказал Ванюшка. — Не буду. Живите без меня.

— Пойдём, — сказала мать, — покорми.

— Не буду кормить! Не буду тебя кормить!

— Покорми, — сказала мать, — и обратно уходи.

— Лишились вы кормильца! — сказал Ванюшка. — И когда вырасту, тоже не буду!

— Это как же так? — спросила мать. — Ты же кормилец мой.

— Не буду тебя кормить!

— Ну, иди, хоть Томку покорми. Вишь, ревёт.

Ванюшке стало жаль сестрёнку, и он нехотя вышел из сарая и пошёл в дом.

Дома мать с сестрой уселись за стол, а Ванюшка, взяв кастрюлю, стал накладывать кашу. Сначала он положил се-

стре, а потом, подумав, положил матери.

— Ешьте, — сказал он.

Томка потянулась за мясом, и он больно ударил её ложкой по руке.

— Не тянись! Я кормлю!

Поев, мать сказала Ванюшке спасибо и легла отдохнуть. Сестра пошла играть на улицу, а Ванюшка сел на лавку и стал думать:

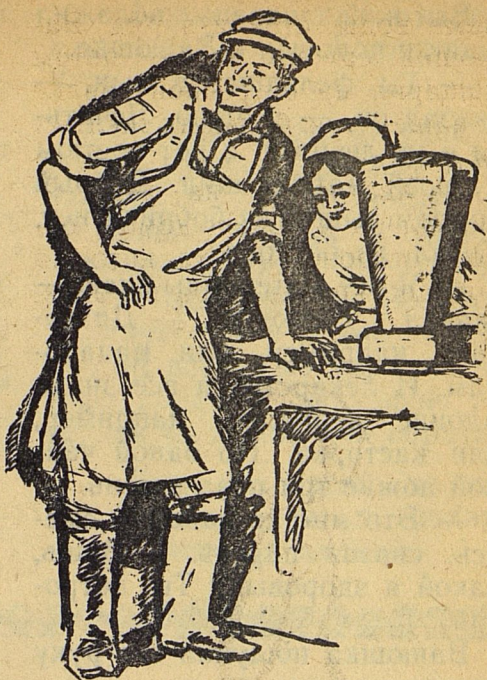
«Чем же я в обед их кормить буду? Петуха не поймашь, в огороде пусто...»

«Пойду в магазин», — решил он.

Взяв сумку, тихо вышел на улицу.

В посёлке было несколько магазинов, и Ванюшка пошёл в самый большой. Дорогой его обогнали незнакомые мальчишка и девчонка. Они пронеслись мимо него с криками и грохотом, таща за собой на длинной верёвке железную банку, в которой что-то громыхало и пронзительно свистело. Он хотел побежать за ними, посмотреть, что это они тащат, но не побежал, а пошёл ещё медленнее, сдерживая себя и думая, что не время ему сейчас бегать за какими-то банками, потому что мать и сестра сидят голодные и ждут своего кормильца.

В большом магазине было пусто. Продавщица, положив руки на прилавок, смотрела на высокого парня, который перетаскивал тяжёлые ящики. Он хватал ящик за ящиком легко, проворно закидывая за плечи, и нёс от дверей до прилавка, не спеша, как бы при-

танцовывая. На нём был широкий белый фартук и большие резиновые сапоги.

Ванюшка подошёл к прилавку и долго смотрел на витрину.

— Мне блестящих конфет, — сказал он продавщице, — и еще кускового сахара и колбасы твёрдой.

— Сколько? — спросила продавщица.

— Побольше, — сказал Ванюшка.

Продавщица взвесила и подала ему пакеты.

Он аккуратно уложил в сумку и пошёл к выходу.

— Ты куда? — закричала продавщица. — А платить кто будет?

— Не знаю. Мне мать с сестрой кормить надо.

— Нашёлся! — сказала продавщица. — Заработай сначала!

Высокий парень положил ящик и подошёл к Ванюшке.

— Ты фельдшеров сын, — сказал он, — я знаю. Лечиться я не лечился, а вот костюм у твоей матери шил. Добрый костюм вышел из бобрика, нет, забыл, из бостона.

— Я все материалы знаю, — сказал Ванюшка. — Диагональ, например, или мадаполам. И лекарства я все знаю. Адонис верналис, например, или касторка. По одной чайной ложке три раза в день.

— Это мне не надо, — смеясь, сказал парень. — Вишь, какой я здоровый! Ты потрогай!

Ванюшка пощупал его руку повыше локтя.

— Ты борец? — спросил он.

— Нет. Дед мой на медведя ходил, батя молотом ухал, а я вот консервы, бочки с маслом катаю. Чемпион я! Уж сколько тонн поднял — не счесть! Все рекорды перекрыл!

— Раз ты не борец, так отчего ж такой здоровый?

— От работы, — ответил парень. — Мне ведь семью кормить надо.

— И мне, — вздохнув, сказал Ванюшка и направился к выходу.

— Стой! — закричала продащица. — Ты сперва заработай, а потом в магазин приходи!

— Заработает, — сказал парень и что-то зашептал продащице на ухо.

— Заработаю, — сказал Ванюшка.

— Конечно, — сказал парень и потянул его за руку. —

Айда со мной. Помоги. Я хоть и здоровый, а вот сегодня мне что-то не того... Под мышками колет.

Он привёл Ванюшку в кладовую, где гудели и дышали морозом огромные холодильники.

— Ох! — сказал он, сев на ящик. — Мне вон банки перетаскать надо, может, ты поможешь? Стаскивай вон туда.

Ванюшка приподнял банку. Она была лёгкая, и нести её было совсем не трудно. Ванюшка отнёс одну, потом другую и ещё и ещё... Он перетаскивал банки минут двадцать, а их всё не убавлялось.казалось, что они вырастают, точно грибы — сорвёшь один, а на его месте другой. Через полчаса он вспотел и руки у него дрожали.

— Тяжело? — спросил парень. — А я, брат, всю жизнь двигаю.

— Не тяжело мне, — сказал Ванюшка, — только вот пора идти мать и сестру кормить.

— Ну пошли. Спасибо тебе. Я потом дотаскаю. Вот только помоги мне бидон передвинуть.

Ванюшка ухватился за ручку бидона, но сдвинуть его не мог.

— А ну, давай вместе, — сказал парень.

Кряхтя, они передвинули бидон в угол, и Ванюшка, глянув на парня, рассмеялся. Тот посмотрел на него и тоже захохотал.

— Вот, брат, как мы с то-

бой поработали! Пошли за труды получать!

Они вошли в магазин, подошли к продавщице.

— Кончили мы, — сказал парень. — Обед у нас.

Продавщица подала Ванюшке сумку и сказала:

— Отнеси это матери. Пусть вечером зайдёт ко мне. А это вот тебе.

Ванюшка протянул руку, и продавщица подала ему четыре конфеты в золотистых бу-мажках.

— На, заработал. Иди кор-ми мать.

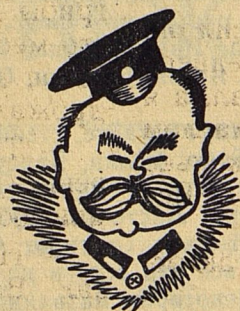
— Корми, — сказал парень и что-то сунул Ванюшке в карман.

Ванюшка вышел на улицу и пошёл домой. Идти ему было тяжело, потому что ногам было больно, а руки с трудом держали сумку. Он остано-вился передохнуть. Положив тяжёлую сумку прямо на зем-лю, он достал из кармана че-тыре конфеты, аккуратно за-вернул их и положил обратно.

— Как раз всем по од-ной, — сказал он и, подняв сумку, зашагал дальше.

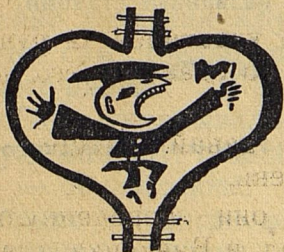

От
станции
Алёша

до
станции
Верблюд

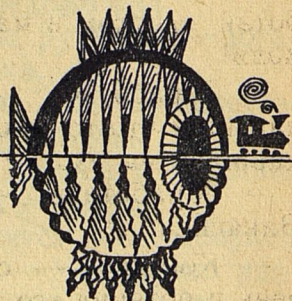
- Поехали в Ерофей Павлович?
- А Ерофей Павлович это где? Рядом с Дочерью?
- Нет, Ерофей Павлович ближе к Белкам...
- Тогда, пожалуй, лучше махнуть в Сердце... Задержимся на сут-ки в Выстреле, а потом напрямиком в Форель...

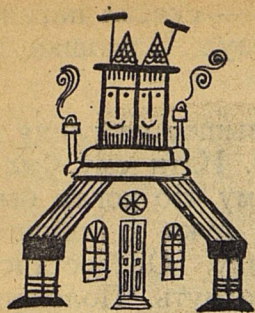

Вы, пожалуйста, не подумайте только, что это диалог из детективного романа, в котором два шпиона пытаются запутать контрразведку и поэтому говорят на жутко зашифрованном языке.

Всё это названия существующих желез-нодорожных станций.

И если бы мы с вами сели в поезд, который повёз бы нас по заранее намеченному маршруту и при этом мы записы-вали бы названия некоторых станций, встречен-ных в пути, у нас получился бы вот какой уди-вительный список.

Имена людей: Алёша, Анатолий, Вадим, Анна, Виктория, Владимир, Дарья, Ермак, Валя, Еруслан, Ерофей Павлович, Жанна, Каролина, Кузьма, Инга, Лиза, Ляля, Рада, Марк, София, Проня, Тимур, Спартак, Линда, Юра, Серёжа, Марица, Лена, Петруня, — всё это названия станций.

Чуб, Коса, Лобик, Выя, Уста, Локоть, Сердце, Желудок, Колено — это, так сказать, названия станций «из чего человек состоит».

А что человек ест? Пожалуйста: Блины, Борщи, Квасы, Кавуны, Мамалыга, Коврига, Изюм, Облепиха, Клюква, Морошка, Клубника, Сиг, Чир, Форель, Судак, Теша.

А как одевается? Читайте: Шапка, Шуба, Кожанка, Варежка.

Кем работает: Гидростроитель, Энергетик, Горняк, Забойщик, Шахтёр, Старатель, Металлист, Звеньевой, Агроном, Сеятель, Пахарь.

В каких родственных отношениях состоит: Близнецы, Братки, Дочь, Первенец, Пасынок, Сестрёнка.

Где работает: Совхоз, Ток, Ферма, Вагонзавод, Гидроузел, Домна, Шлюз, Локомотивстрой, Тракторострой, Цех, Электростанция, Шахта, Каналстрой.

А вот то, что окружает человека — живёт ли он в посёлке, городе или селе: Степь, Тундра, Тайга.

Вот и деревья, которые растут на севере, востоке, юге или западе: Вербя, Ива, Каштан, Черёмуха, Олхя, Рябина, Сосна, Ясень, Березки, Осинки, Тополи.

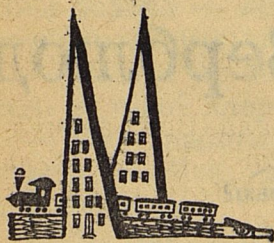
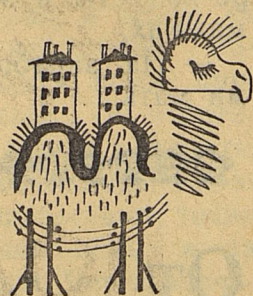
И животные, которые живут в тайге, степи или тундре: Тур, Сурок, Песец, Медведь, Верблюд, Бобр, Белки, Барсуки, Зубры.

И птицы — домашние и дикие: Индюк, Галка, Глухарь, Ласточка, Орёл, Тетерев, Грачи, Журавли, Нырки, Снегири, Стрижи, Лебеди, Соловейка, — всё это есть в названиях станций.

Некоторые названия словно пришли из времён гражданской войны: Партизан, Красногвардеец, Тачанка.

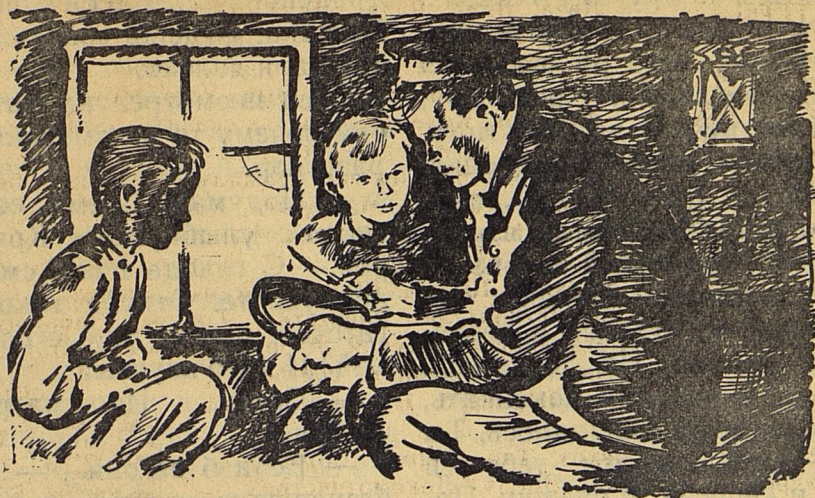
Другие просто просятся в «пограничную» повесть: Разведка, Выстрел, Кордон, Пропуск, Заства, Пограничник.

Вот что было бы, если бы поезд шёл по выбранному нами маршруту! Но, увы, не получится так, потому что почти все названные станции далеко отстоят друг от друга.

Д. ЯКОВЛЕВ

Рисунки Г. Ясинского

ПОДСНЕЖНИКИ

— Тот ещё матросик! — негромко сказал Крутогоров и за рукав приподнял руку мертвого. — Ноготки — что у барышни! Медяшку не драили!

— Бей! — зло выкрикнул Бугасов. — Бей каждого, у кого рубаха не в навозе и ногти без траура!

— Зачем каждого? — спокойно возразил Крутогоров. — Этот сам стрельбу открыл. Нашего ранил.

Пока укладывали тело в тесную машину, подошёл врач.

— Я остаюсь. Везти его нельзя — сотрясение мозга. Трещина в черепе.

— Дела-а! — покачал головой Крутогоров и сказал Зуй-

Рисунки В. Бескаравайного

ко: — Езжай один. Я — поездом.

Машина ушла. Врач вернулся во флигель. Толпа стала расходиться. Крутогоров с мальчишками пошёл к их дому.

— Была деревня: что ни изба — свояк! — слышался голос Бугасова. — А теперь понаехали неведомо кто!

— На нас ругается! — догадался Федька.

— Это и есть Бугасов? — спросил Крутогоров.

— Он!.. Хромой и злющий! Так всех бы и сожрал!

— Подавится! — улыбнулся Крутогоров. — Мне Зуйко рассказал... Только не тот это, ре-

бята!.. Злой-то он злой! Но много сейчас таких. Не понимают, что по-другому нельзя... Я вот рабочий, а Бугасов — крестьянин. Чего он на меня злится? Что хлеб я у него беру, а взамен ничего дать не могу. Дал землю, когда революцию сделал, а больше, прости, — сам нищий! Не работаю я, и завод мой Обуховский только на фронт работает. Никаких таких товаров, нужных в деревне, не делает. Не до этого!.. Нам бы с врагами покончить, тогда бы всё и наладилось. Ты нам — хлеб, а мы тебе — и плуг, и керосин, и одежду. Потерпи! А Бугасов терпеть не хочет! Обижается, а того в толк не возьмёт, что без одежды год-другой можно пробиться, а без хлеба и неделю не протянешь. Не дай армии хлеба — побьют наших. А как побьют, так у того же Бугасова земельку-то и отберут! Вот как оно получается... Нам без крестьянина не прожить, и крестьянину без рабочих жизни не будет. Держаться друг за дружку надо!

Об этом же толковали и за столом, когда сели обедать. Отцу надо было решить самое главное — как и чем будет кормиться его семья.

Крутогоров прямо сказал, что из Дороховых хороших хлеборобов уже не получится.

— Почему? — удивился отец.

— По твоему настроению чувствую! — улыбнулся Крутогоров. — Бросало вас туда-сюда. Верёвочка и лопнула — оторвались вы от земли. Ведь не случайно к большому горо-

ду под крылышко приехали... Хочешь, на мельницу устрою? Транспорт у тебя свой — Прощка. Будешь ездить — не так уж и далеко.

Отец посмотрел на мать, но она почему-то не вмешалась в разговор.

— Подумай! Время есть, — снова улыбнулся Крутогоров. — С голода пока, смотрю, не пухнете. Откуда такое богатство: щи да ещё с солониной? И хлеб вкусный...

— Сосед... Из матросов. Добряк!..

— Если б не они... — Мать безнадежно махнула рукой. — А отдавать придётся. Так что ты, Стёпа, думай!

— Легко сказать — думай!

— А где служил этот матрос? — спросил Крутогоров.

— Не знаю, — ответил отец. — Красную Горку брал. Там его и подбило. Душа человек!

— Хороший, а дерётся! — сказал Карпуха.

— Как дерётся? — не понял Крутогоров.

— А так! Яшку недавно отодрал!

Мать погрозила Карпухе пальцем.

— Кто не наказывает, тот и не родитель!

После обеда Крутогоров ушёл на полустанок, а мальчишки до самого вечера вертелись около флигеля и заглядывали в окна. Внутри их не пустил врач. Раз два на крыльцо выходил Гриша. Он садился на ступеньку и на все вопросы отвечал односложно:

— Страшно.

Даже когда Федька спросил, не надо ли съездить за лекарством, Гриша произнёс то же самое:

— Страшно.

Он просто не слышал, и глаза у него будто не видели — смотрели куда-то на залив, и ничего в них, кроме тоски, не было. Чтобы не надоедать, братья решили уйти.

Дороховы переживали это несчастье, как своё собственное. То и дело кто-нибудь выходил на крыльцо — вдруг появится врач и скажет, что Яше легче. Но во флигеле точно все вымерли. Ни одна тень не мелькала в освещённых окнах.

Братья поднялись к себе на чердак и долго шептались о своих мальчишеских заботах: о Яше, о Бугасове, о дяде Васе. Под конец, уже засыпая, Федька сказал:

— Непокойно тут как-то... В Ямбурге как стемнело — так мы храпака. А здесь то стреляют, то утопленник, а теперь ещё Яшка...

— Ага! — согласился Карпуха, и обоим стало жутко. — Надо будет вниз перебраться.

Над заливом начиналась метель. Брякало стекло в чердачном оконце. Потом где-то на берёзе закаркал ворон. Федька даже сплюнул в темноте.

— Он же спать не даст!

— Кто-нибудь идёт! — отозвался Карпуха и подскочил к окну.

Сначала он ничего не увидел, а приглядевшись, заметил, что у стены недостроенной конюшни стоит кто-то. Маль-

чишки посовещались и решили выйти из дома — узнать, кто такой и что ему надо. Страх у них прошёл. Они боялись неизвестного, непонятного, а здесь был живой человек: может, Семён Егорович или врач. Мало ли что потребовалось. Подошёл к дому, увидел — спят. Остановился и думает: будить или не стоит?

Братья спустились в сени, тихо-тихо открыли дверь. Но человек, стоявший у конюшни, услышал и поманил их пальцем. Это был Крутогоров. Карпуха даже растерялся.

— Дядя Вася?

— Не уехал? — спросил Федька. — Поезд не пришёл?

— А вы умеете не задавать вопросов? — улыбнулся Крутогоров.

Он всегда улыбался, когда разговаривал с людьми, которым верил, но не мог сказать всю правду.

— Можем и не спрашивать! — обиделся Федька. — Мы хотели тебя на чердак позвать — переспал бы до утра.

— Давайте посидим здесь, — предложил Крутогоров. — За этой стеной не так дует.

Они сели на бревно и молча смотрели, как ветер со свистом выносит снег из-за конюшни. Мальчишкам было холодно. Они не собирались долго быть на улице и оделись кое-как. Но ни Федька, ни Карпуха не спросили, чего они ждут и долго ли придётся сидеть в темноте и холоде. Крутогоров заговорил сам.

— Алтуфьев-то поправляет-

ся... Забыл я вашей матери поклон от него передать.

Братья молчали.

— Обиделись?..

— Не обиделись... Сам же не разрешил, — сказал Федька и добавил, всматриваясь в сторону флигеля: — Идёт кто-то.

— Идёт! — Крутогоров вздохнул. — Только с чем?

К конюшне подошёл врач.

— Умер, — услышали мальчишки.

— Дела-а-а! — дольше обычного протянул Крутогоров.

ПОХОРОНЫ

До самых похорон ребята не разговаривали с Гришей. Из флигеля он не выходил. Сидел у стола какой-то отрешённый, безучастный. А на столе стоял гроб.

На третий день Прощка подтащил сани к крыльцу. Вынесли Яшу. Никто в сани не сел. Только Гриша по-сиротски примостился рядышком с гробом.

Собралось во дворе человек двадцать. Мужики без шапок, женщины в чёрных платках, какие-то мальчишки. Медленно двинулись за санями к кладбищу. Тихо и печально похрустывал снег.

Старшие Дороховы шли вместе с родителями Яши. Мать поддерживала тётю Ксюшу, а отец шагал рядом с Семёном Егоровичем. У обоих руки за спиной.

Мальчишки шли за ними и смотрели под ноги. Куда ещё смотреть в такой момент? По сторонам глазеть неудобно. Мелькали подшитые валенки

отца — подарок Семёна Егоровича. А сам он, как всегда, был в русских сапогах с заправленными в них матросскими брюками. Отец прихрамывал, чиркал валенком по снегу. Семён Егорович шёл как по струнке — так ровно, будто он нарочно старался не качнуться ни вправо, ни влево.

С тех пор как братья увидели рубцы на Яшиной руке, они как-то охладели к Семёну Егоровичу. И сейчас мальчишки с неприязнью поглядывали на его плоскую спину с узкими плечами. Бушлат на нём был новенький, брюки хорошо от-

утюжены. «И зачем он их засовывает в сапоги?» — с раздражением подумал Федька. «А каблуки-то какие!» — хмурился Карпуха. Всё ему теперь в Семёне Егоровиче не нравилось, особенно каблуки: один сношен чуть ли не до стельки, а другой, наоборот, — очень высокий. Казалось, что один сапог только-только побывал в ремонте, а второй уже лет десять не снимался с ноги.

Когда стали опускать гроб в могилу, тётя Ксюша пошатнулась и чуть не упала в обморок, а у Семёна Егоровича так затряслись руки, что мальчиш-

ки пожалели его. Небось мучается, вспоминает, как побил Яшу!

Гриша не плакал. Лицо у него за эти дни осунулось, посерело. Он стоял в стороне от всех и шептал что-то, точно молился. Федька посмотрел на него, и представилось ему на мгновение, что это он хоронит Карпуху. Что-то тугое подкатилось к горлу. Пряча налившиеся в глазах слезинки, он отвернулся, делая вид, что смотрит на большой почерневший крест, возвышавшийся над белым от снега кустом. За крестом вроде кто-то шевельнулся. Почудилось Федьке, что он даже заметил бескозырку. Но это только почудилось. Заснеженный куст не шелохнулся. Не упала ни одна снежинка. И крест как стоял, так и стоит,

и никого за ним нет. «На кладбище всегда чудится!» — подумал Федька и порывисто придвинулся к брату.

— Ты чего? — тихо спросил Карпуха.

— Поскользнулся...

Семён Егорович взял сколоченный из свежих досок крест и легонько, словно боялся сделать Яше больно, вдавил заострённый конец в только что насыпанный бугор сырого песка. Было тихо. Всхлипывала тётя Ксюша. Гришка безостановочно мял пальцами шапку. Остальные стояли неподвижно и смотрели на могилу.

— Все там будем! — со вздохом пробормотал Бугасов и захромал к выходу из кладбища.

За ним, крестясь и перешёптываясь, потянулись другие. Дороховы, Гриша с отцом и матерью возвращались в сани. Федька с Карпухой сидели сзади. Гриша — между ними. Он всё смотрел и смотрел на удаляющееся кладбище. Смотрел и даже не мигал, как неживой. Карпуха заглянул ему в лицо и сочувственно сказал жалостным голосом:

— Ну хва-атит!.. Не надо!.. Вон у нас — пожар был...

— Сравнил! — одёрнул брата Федька.

— Страшно! — еле шевеля губами, прошептал Гриша.

У флигеля он слез с саней, поднялся на крыльцо и вдруг вскрикнул и разрыдался так, что не мог нащупать ручку двери. Глотая слёзы, Федька с Карпухой видели, как тётя Ксюша обняла Гришу за плечи и ввела в дом. За ними тя-

жело поднялся по ступеням Семён Егорович.

Дороховы подъехали к своему дому. Мать вздыхала, отец хмурился. Ребята чувствовали себя так, точно были в чём-то виноваты. Молча вошли в дом и остановились, удивлённые, на пороге комнаты. За столом сидел матрос Зуйко.

— Простите, что без спроса, — сказал он, вставая и с опаской поглядывая на мать. — Не хотел другим глаза мозолить — вот и зашёл без вас. Извиняйте уж как-нибудь!

Мать только рукой махнула.

— Не чужие... Вроде уж познакомились!.. Как там этот ругательник продырявленный?

— Самогор?.. Да бродит! Тебе кланяться велел.

— Ты на кладбище был? — спросил Федька и хитро прищурился, вспомнив мелькнувшую за крестом бескозырку.

Зуйко неодобрительно помотал головой:

— Глазастый — хорошо, а языкастый — плохо!

— А ты лучше прячься! — съязвил Федька.

— Вот это ты дельно сказал! — усмехнулся матрос и обратился к отцу и матери: — Помогите спрятаться!

— Не крути! — прикрикнула мать. — Говори прямо!

— Давайте сядем, — предложил Зуйко. — Разговор длинный будет. А ты, Карпуха, иди к окну, чтобы не зашёл кто ненароком.

— Купря просигналит! — сказал мальчишка, но сел на подоконник.

Матрос попросил разреше-

ния поселиться на время у Дороховых. Чтобы ничем не стеснять хозяев, он принёс с собой мешок продуктов и обещал днём не спускаться с чердака. Зуйко не скрывал, что всё это нужно для того, чтобы он мог понаблюдать кой за кем из соседей.

— За Бугасовым! — догадалась мать.

— Ясно дело! — улыбнулся матрос.

— А вот и врѣшь! — не стерпел Карпуха. — Нам дядя Вася всё объяснил: Бугасов хоть и злой, а не гад! Не будешь ты за ним следить!

Зуйко покосился на мальчишку.

— А теперь про языки потолкуем... Если хоть одна душа узнает, что я живу у вас, всё будет напрасно! И мало, что напрасно! Худо будет!

— Ты не стражай! — возмутилась мать. — Не пугливые!

Матрос крикнул от досады.

— Не так понимаешь, Варвара Тимофеевна!.. Вред будет всем нам — Советской власти вред! Так что держите язык обеими руками! И чтоб люди перемену в вас не заметили. Не разговаривали с Бугасовым — и не разговаривайте. Уважали Семёна Егоровича — и уважайте, как раньше! Всё у вас осталось по-прежнему!..

СТРАННЫЙ ПОСТОЯЛЕЦ

Мальчишки собирались перебраться с чердака вниз. Но когда наверху поселился Зуйко, их и силой оттуда было бы не выгнать. Они не спускали глаз с матроса. Пришлось ему

поговорить с хозяевами чердака отдельно. Этот короткий разговор произошёл в тот же день вечером. Братья устроили постояльцу кровать в самом тёплом месте — у печного столяка. Зуйко сгрѣб все подстилки, перенёс их к чердачному окну, улѣгся и сказал огорчённым ребятам:

— За заботу спасибо, но давайте договоримся так: вы меня больше не видите и не слышите. Нету меня! Поняли?

— Нету так нету! — сердито согласился Федька. — Будем, Карпыш, спать!

Братья натянули на себя одеяло, повернулись спинами к Зуйко, нарочно засопели носами и не заметили, как уснули.

Утром Карпуха проснулся раньше Федьки. Обида на матроса ещё не прошла. Приоткрыв глаза, мальчишка увидел Зуйко. Он сидел у окна на табуретке и мастерил что-то острой маленькой стамеской. Карпуха толкнул брата и разбудил его. Не говоря ни слова, они подошли к окну. Матрос вырезал из куска дерева какую-то вещицу. Ловко и быстро работал он стамеской. Мелкая стружка так и сыпалась на колени, а деревянный брусок постепенно принимал форму ложки.

— С посудой у вас не богато, — произнёс Зуйко. — Пригодится матери.

Мальчишки не ответили.

— Мастера-а у нас в деревне. Любую штукювину резали! А я вот только ложки да плошки научился...

— Тебя же тут нету! — сказал Карпуха.

— Верно — нету! — подтвердил матрос. — Идите завтракать. Ваша мамка меня уже накормила.

Целыми днями Зуйко сидел на чердаке у окна и вырезал ложки и плошки. Казалось, что он поселился у Дороховых только для того, чтобы обеспечить всю семью деревянной кухонной утварью. Мать была довольна, а ребята подсмеивались над матросом:

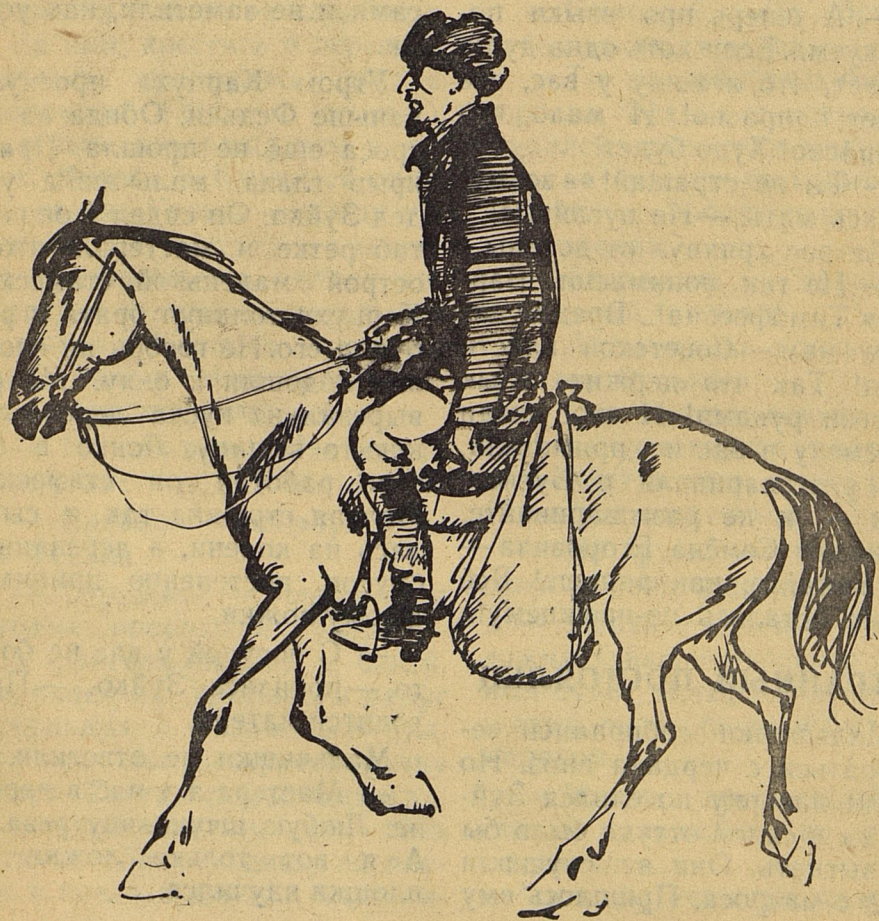
— Ну и караульный! Проворонишь ты всё на свете! Будет тебе от дяди Васи!.. Ска-

зал бы хоть, за кем следить, — мы бы помогли!

Зуйко не отвечал, а когда мальчишки уж очень надоедали ему, он брал их в охапку, подталкивал к лестнице, ведущей вниз, и, выпроводив, говорил вслед:

— Нету меня! Нету!

Братья ни разу не видели, чтобы матрос выходил из дома. Но каждое утро у тёплого печного стояка висели на верёвке не совсем ещё просохшие ботинки и клёш. А Зуйко сидел у окна в других ботинках и брюках. Значит, ночью матрос был на улице и бродил

где-то по глубокому снегу. Мальчишки удивлялись: когда же он спит? Днём у окна дежурит, ночью ходит куда-то...

Однажды Федька пощупал сырую брючину и спросил:

— Снести вниз? Там быстро высохнет...

Зуйко посмотрел на ребят красными усталыми глазами.

— А если зайдёт кто-нибудь?

Федька понял, что сморозил чепуху. И почему-то только сейчас братья по-настоящему почувствовали, что всё это не игра, что матрос действительно выполняет какое-то трудное задание. Такое трудное, что им и не осознать всю его сложность. Недаром у Зуйко и глаза красные от бессонных ночей, и усы будто поседели за эти дни, и подбородок, обычно тяжёлый, квадратный, вроде заострился.

— Ты бы переспал маленько,— с сочувствием предложил Федька.— А мы бы подежурили с Карпухой...

Зуйко улыбнулся.

— Один переспал... Помните?.. Самогор... Получил трое суток.

Ребята смутились. Ведь это из-за них Василий Васильевич наказал Алтуфьева.

— Так что вы меня не подведёте! — погрозил пальцем Зуйко.— И вообще, я смотрю, неверные вы друзья.

— Мы? — насупился Карпуха.

— Вы-ы!.. Гришку-то бросили... Забыли... А ему не весело. Легко, думаете, брата схоронить?

— А мы и не забыли его! — возразил Федька. — Каждый день заходим!

— Ну и что? — поинтересовался матрос.

— Лежит... Горячка у него открылась.

Зуйко вздохнул.

— Тут, ясно дело, откроется!.. Что хошь откроется!.. Почаще к нему заходите — легче парню будет.

В голосе Зуйко мальчишкам послышалась какая-то особая нотка. Им показалось, что этими словами матрос хотел сказать ещё что-то — секретное, тайное, о чём не говорят открыто.

— А мы сходим! — оживился Федька.— Хочешь, сейчас сходим? Чаю попьём — и туда!

— Вы ему дружки, а не я, — уклончиво ответил Зуйко. — Заодно стружку прихватите.

Братья напихали полную корзину стружек, накопившихся за эти дни, и потащили вниз по лестнице. Когда они были уже в сенях, на берёзе закаркал Купря. Зуйко посмотрел в окно и увидел Семёна Егоровича. Матрос хотел вернуть мальчишек, но было поздно. Шёпотом не позовёшь — не услышат, а крикнуть нельзя — Семён Егорович шагал уже по двору.

Семён Егорович встретился с ребятами на крыльце, удивлённо посмотрел на корзину со стружками, зачем-то пожамкал их пальцами.

— Никак Степан Денисович в столяры заделался?

— Не-е! — отозвался Федька. — Это мы мастерим... С Карпухой.

— Отец с мамкой дома?

— Дома! Заходите, дядя Семён, — сейчас чай пить будем.

Семён Егорович вошёл в дом, поздоровался, скинул шапку, присел у стола. После похорон Яши он не был у Дороховых, и разговор как-то не клеился. Ни он, ни Дороховы не знали, с чего начать. Оттого, наверно, все трое вздохнули по очереди.

— Места не нахожу, — произнёс наконец Семён Егорович и, вытащив из кармана бутылку, поставил её среди чашек. — Не возражаете?

— Гриша-то как? — спросила мать.

— Плохо... Бредит.

Сосед налил самогону в три чашки.

— Мы ведь тогда и поминок не устроили...

Когда мальчишки вернулись с пустой корзиной, отец и Семён Егорович, запрокинув головы, глотали самогон. Мать подала капусту в свежей светлой-жёлтой плошке, только вчера выдолбленной матросом.

«Сейчас спросит!» — с тревогой подумал Федька. И отгадал.

Сосед бросил в рот щепотку капусты, пожевал, взял плошку в руки, повертел её перед глазами.

— Хороша! Откуда такая?

— Я ж говорил — мы с Карпухой! — торопливо ответил Федька и умоляюще взглянул на мать.

— Мы! — подтвердил Карпуха и тоже посмотрел на неё.

И торопливость, и эти взгляды — всё получилось очень естественно. Хочется мальчишкам, чтоб их похвалили, — вот они и торопятся, и на мать поглядывают, чтобы она сказала что-нибудь. А у неё не нашлось подходящих слов. Тут ещё вдобавок отец закашлялся — капустана, что ли, не в то горло попала. Мать вскочила и громко похлопала его по спине. Так она и сыновьям делала, когда кто-нибудь захлебывался за столом.

Семён Егорович поставил плошку на место.

— Мастера!

— Это что! — махнул рукой Федька. — У нас в деревне — вот это мастера! Любую шту-

ковину вырежут! А мы только ложки да плошки научились!

Сосед повернулся к отцу:

— Ты тоже умеешь?

— Мне некогда было резать. Я с пулемёта больше резал.

Семён Егорович покачал головой:

— Да-а!.. Трудное нам время досталось... Непокойное...

Мальчишкам полегчало: разговор явно уходил в сторону от опасной темы. Их теперь беспокоило одно — не чихнул бы матрос там, на чердаке, не заскрипела бы под ним табуретка. Но всё обошлось благополучно. Да и Семён Егорович не стал засиживаться в гостях.

Они вдвоём с отцом с трёх заходов осушили бутылку. Сосед попросил Прошку на денёк. Нужно ему было съездить куда-то. Отец пошёл вместе с ним в конюшню, оседлал коня. Семён Егорович повёл его к флигелю. Мальчишки догна-ли соседа:

— Мы к Грише. Можно?

— Только не долго. Трудно ему разговаривать.

Гриша увидел братьев, и глаза у него повеселели, но не надолго. Он закрыл их. Мелко задрожали губы. Чтобы унять противную дрожь, он натянул одеяло до подбородка.

— А мы ложки делаем! — с наигранной бодростью сообщил Карпуха. — Приходи скорей — вместе резать будем.

— Поправлюсь — приду, — тихо ответил Гриша. — Мне всё холодно. А ночью... страш-

ное снится! — Он опять зажмурился. — Яши-то нету...

К постели подошла тётя Ксюша, поправила подушку.

— Успокойся, сынок. Ты лучше засни... Хочешь, я спою тебе, как маленькому?.. Шли бы вы домой, ребята! Окрепнет — тогда и приходите хоть на весь день.

Братья ушли и, конечно, первым делом, залезли к себе на чердак. Как-никак, а они ловко вывернулись с этими стружками. Интересно, что скажет им Зуйко?

Матрос сидел по-прежнему у окна, но на этот раз ничего не резал.

— Как Гриша? — спросил он.

— Лежит, — неохотно ответил Федька.

— А соседushка куда собрался?

— Забыли у него спросить! — буркнул Карпуха.

Мальчишки злились, что матрос ни слова не сказал про стружки. А они-то старались не подвести его!

— Благодарности потом объявлять будем! — грубовато произнёс Зуйко, глядя в окно. — Потом! — повторил он, и мальчишки увидели, как брови матроса поползли к переносице.

Братья тоже посмотрели в окно. У флигеля стояли Семён Егорович и тётя Ксюша. Оба были одеты по-дорожному — не так, как одеваются, чтобы пойти за водой или ещё куда-нибудь поблизости. Первый раз после смерти Яши они вдвоём уходили из дома, и,

судя по всему, надолго. Тётя Ксюша — пошла по тропинке, которая вела к полустанку, а Семён Егорович сел на коня и поехал вдоль деревни.

— Ясно дело! — задумчиво сказал матрос, и сам же возразил себе: — Не ясно дело! — и добавил совсем уже непонятное: — Хоть разорвись напополам!

Он встал, раздумывая о чём-то, вероятно очень трудном, неразрешимом, и, позабыв о мальчишках, пошёл вниз. Братья остались у окна.

— Никак он за ними? — прошептал Карпуха.

— За нами, что ли! — сердито отозвался Фёдка.

— А как же за двоими-то сразу?

— Потому он и разорваться хотел на две половинки!

Стоя у окна, ребята хорошо видели тётю Ксюшу, которая неторопливо шла к лесистому холму, и Семёна Егоровича. Он тоже медленно ехал на Прошке вдоль деревенских домиков. Матрос Зуйко быстро проскочил под окном, свернул к морю и берегом пошёл в ту сторону, куда поехал сосед.

— За ним! — определил Карпуха. — Знаешь что?.. Давай...

— Знаю! — опередил его Фёдка. — Идём!..

(Продолжение следует)

— Владимир Иванович, — спрашивает Петя, — разрешите мне уйти с последнего урока. Мне хочется побыть с отцом в трудную минуту.

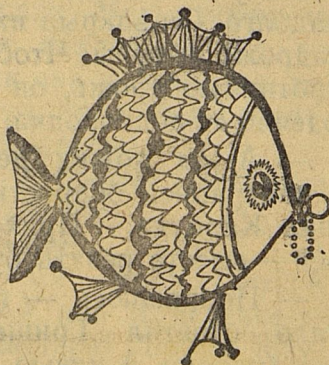
Учитель, полагая, что случилась беда, говорит:

— Ну, конечно, иди. А что с отцом, где он?

— На футболе...

Учитель. Как ты думаешь, почему рыбы не разговаривают?

Ученик. Так они же набрали в рот воды!

Вы умеете играть в ...?

В прятки, конечно, умеете. В лапту, очевидно, тоже. В пятнашки. Ну, а ещё? Знаете ли вы, во что играют ребята в других странах? У них ведь тоже есть свои занятные игры.

БАРЫ. Это французская игра. Но встречается она и в других странах Европы.

Играющие (20—30 человек) делятся на две партии. Во главе каждой партии — мать. На расстоянии 50—60 шагов проводят две черты — «города», а справа рисуют квадраты «для пленных». Каждая партия располагается в своём «городе».

По жребию один из играющих выходит на середину и вызывает любого из другой партии. Они становятся друг перед другом. Вызвавший ударяет три раза ладонью по плечу противника и бежит к своим. Противник старается его догнать и запятнать. Но на помощь «своему» из города выбегает другой игрок: он охотится уже за пятнающим противником. Тогда и ему на выручку выбегает «свой».

Пятнать имеет право только тот, кто позднее выбежал из «города». Если ему удаётся запятнать противника, он кричит: «Взят в плен!» Тогда все играющие идут по местам, а пойманного отводят в «плен».

Игра возобновляется. Но теперь она осложняется тем, что надо выручать товарища из «плена». Для этого достаточно подбежать к нему и ударить по руке. Но «пленных» охраняет «часовой», и он пятнает выручающих.

Если в «плен» попала мать, то она имеет право послать вместо себя двоих «своих» или освободить двух противников.

До начала игры определяется количество «пленных» для победы. Договорились, к примеру, до трех «пленных», взяли троих в «плен» — игра заканчивается. Но можно играть и до тех пор, пока все из одной партии не будут в «плёну» у другой.

Примечания. 1) Чтобы иметь право пятнать, надо побывать в своём «городе». 2) Нельзя возобновлять игру после «пленения» или «освобождения», пока все не побывают в своём «городе».

ИВОЛ. Эта очень древняя игра родилась в Греции.

Посредине площадки, луга ставят камень, пень или что-нибудь в этом роде. 20—30 человек играющих тоже делятся на две партии и по жребию решают, какая главная.

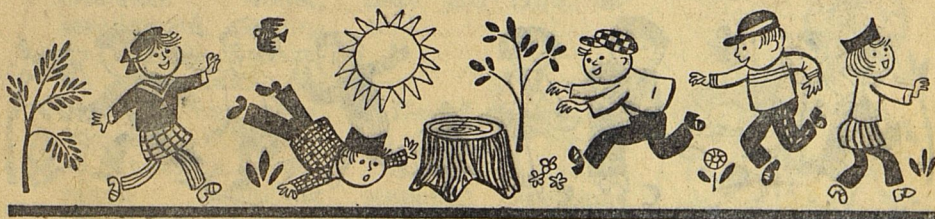
После этого все разбегаются, и по команде: «Время!» — игроки главной партии бегут к камню, чтобы прикоснуться к нему рукой. Другие их ловят. (Для того чтобы игра была оживлённей, убегающие хитрят: внезапно приседают, хватают противника за ноги и т. п.) Пойманного отводят в сторону, где он остаётся до конца игры. Туда же (рядом) собираются и сумевшие прикоснуться к камню.

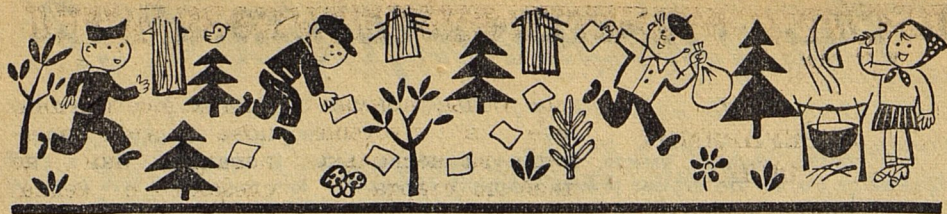
Если последних больше, чем первых, верх остаётся за ними. Либо их противники становятся главными, а им остаётся только сторожить камень и ловить.

ХРОМАЯ ЛИСА. В эту игру любят играть немецкие ребята.

Выбирают лису. В углу комнаты (а можно и на земле начертить уголок) — нора. Лиса стоит там на одной ноге. Все дразнят её, теребят за одежду, подражают лаю собак, хлопают в ладоши и т. д. Лиса старается запятнать кого-нибудь, но все увертываются. Если лиса встала на обе ноги или переменяла ногу, кричат: «Лиса, в норку!»

Тот, кого запятнала лиса, прыгает на одной ноге и делается хромой лисой, а прежняя лиса присоединяется к играющим.

ОХОТА НА ЛИС. Это английская игра.

Из коллектива школы или лагеря выбирают двух лучших бегунов. Это лисы. Им дают по мешку рваной бумаги, и они бегут до заранее назначенного и известного им места, километрах в пяти-шести (а там палатки, дежурные развели уже костёр и готовят для всех вкусный обед). Бегут они не по прямой, а делают зигзаги, обходы и всюду кидают бумажки.

Остальные играющие — гончие. Им маршрут неизвестен, и стартуют они через 15—20 минут после лис! Гонятся по следу, подбирая бумагу. Наконец все собираются у костра, голодные, уставшие... Но обед готов, отдых обеспечен. А сколько рассказов о смешных случаях и приключениях в пути!

НТЭУ (волчок) — африканская игра. В африканских и восточных странах дети и взрослые проявляют в игре в волчок большое искусство. В Японии, например, существует до 30 видов волчков, и некоторые сделаны необыкновенно! Волчок, например, спускается с горы, или танцует на канате, или разлетается в куски и каждый кусок продолжает крутиться...

Игра «нтэу» проходит таким образом: все садятся в круг и каждый запускает свой волчок. Когда чей-то волчок сойдёт волчок другого, то победивший забирает его себе и запускает уже два волчка. А побеждённый выходит из игры. Выигрывает тот, кто заберёт у играющих все волчки.

ЗМЕЯ. Это немецкая игра. Свое происхождение она ведёт от культовых игрищ древних германцев.

Ребята становятся в ряд цепью, держась за руки. Первый, вожак, бежит, увлекая всех, неожиданно поворачивает в ту или другую сторону, делая быстрые и крутые повороты. Тот, кто падает, выходит из игры.

ЧИКОМ. Двое становятся на некотором расстоянии, напротив друг друга. Один бросает мяч вверх и бежит встать на место другого. Другой, поймав, бросает мяч в первого, пока он добежит до места. Если попадёт, то бросать мяч с места начинает он, если нет, то бросает вверх и, поймав, старается попасть в партнёра, пока тот перебежит на прежнее место. Если попадёт, то право бросать мяч останется за ним, если нет, то бросает мяч партнёр.

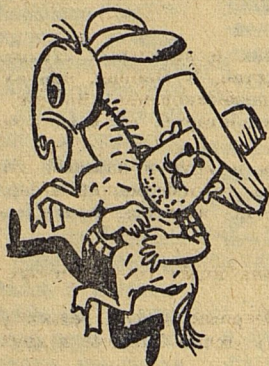
БУЛКИ. Играют несколько человек. У водящего — палка (типа клюшки) и шар. Остальные тоже с палками стоят в ряд на некотором расстоянии, перед каждым — ямка в земле. Водящий стремится палкой загнать шар кому-нибудь в ямку. Те стараются отогнать шар. К кому попадёт шар, тот водит.

ЗЕВАКА. Становятся в круг и перебрасывают мяч, называя по имени того, кто должен его поймать. Если названный не поймает, то должен схватить мяч с земли и бить кого-нибудь. Если попал — 2 очка тому, промахнулся — 4 очка себе. Когда кто-нибудь получит условленное количество очков (например, 25), выходит из игры.

КТО ПЕРЕУПРЯМИТ ОСЛА?

Такие соревнования ежегодно проводятся в южно-калифорнийской пустыне (США) от долины Габек до озера Уолкер. Длина трассы — 80 километров. В соревнованиях могут участвовать только ди-

кие ослы, пойманные в пустыне лишь за несколько дней до старта.

Ослы вообще славились упрямством, но рядом с диким ослом его домашний собрат просто ангел.

Не так-то легко заставить осла тронуться с места, если он этого не хочет. Одни всё время пятятся назад, другие садятся. Есть и такие, которые хотя и подвигаются вперёд, но выбирают маршрут по собственному усмотрению, а не тот, который назначен судьями.

Законы соревнований строги. За их ходом наблюдают судьи на ло-

шадях. Все три дня, пока длится соревнование, они не слезают с седла. Судьи следят, чтобы чересчур ревностные погонщики не избивали животных, чтобы ослы отдыхали не меньше часа в день.

Всё в этих соревнованиях зависит от терпеливости и расторопности погонщиков. Выбываясь из сил, тянут и подталкивают они своих питомцев, брызжут на них водой, а иногда даже несут к финишу на руках...

Последний рекорд скорости на трассе — 10 часов 55 минут 25 секунд.

ТОЖЕ «РЕКОРДЫ»

Как ни странно, мировой «рекорд» по непрерывной болтовне принадлежит не женщине, а мужчине. Таким говорливым мужчиной оказался Микаэль Ионес, швейцарец, родом из города Базель. На последних соревнованиях казалось, что первенство останется за жителем Западной Германии Юргеном Фишером. Но на ис-

ходе 141 - го часа Фишер потерял сознание, и его отвезли в больницу. Оставшись без соперника, швейцарец продолжал говорить и не только побил мировой «рекорд» (135 часов), но и намного улучшил его (155 часов).

Некий Хиркянен из финского города Раума установил мировой «рекорд» в беге... на четвереньках. 23 кило-

метра «спортсмен» преодолел за 12 часов 5 минут. С такой скоростью на четвереньках ещё никто не бегал.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...музыка влияет на... рост волос? На лекции, прочитанной в Нью-Йорке, упоминалось, что некоторые роды музыки предохраняют волосы от выпадения, другие же способствуют облысению. Лектор утверждал, что играющие на рояле, не только сохраняют волосы, но ещё и помогают их росту. Виолончель и арфа благотворно влияют на рост волос. Медные же духовые инструменты способствуют облысению.

...светофор установлен перед... парикмахерской? Один из парикмахеров Заандама (Голландия) поставил перед своим заведением светофор. Красный свет означает — полно клиентов, жёлтый — не долго томиться в очереди и зелёный — кресло свободное.

...во время третьего крестового похода (1189—1192) рыцари английского короля Ричарда Львиное Сердце осадили крепость Акру! Сарацины, оборонявшие крепость, защищались стойко. Тогда рыцари с помощью катапульт забросили в крепость несколько сот ульев с пчёлами. Сарацины бежали под натиском обезумевших пчёл.

...однажды в Индии с подножки урмавая сорвался человек! Шедший рядом спол моментально подхватил его хоботом и осторожно посадил на крышу трамвайного вагона.

...симфонию для 156 конторских механизмов сочинил один западногерманский композитор? В оркестре, исполняющем это «произведение», музыкальные инструменты были заменены пишущими машинками, счётными и телетайпными аппаратами, копировальными устройствами и т. п. «Симфония» передавалась по английскому телевидению.

...во Франции в местечке Куломье жила семья с фамилией «1793»? В этом семействе три сына носили имена «Май», «Июнь» и «Июль».

...владелец ресторана в датском городе Снеккестен, желая привлечь публику, вывесил такое объявление: «состоится бесплатное угощение между 12 и 15 часами 10 марта 1968 года, если выпадет снег»? Снега здесь не было уже несколько недель. В назначенный срок у ресторана собралось до 200 человек и... выпал снег.

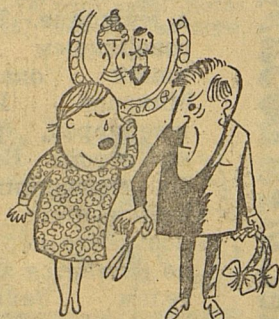
...московский цензор Голохвостов запретил публикацию поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», написав: «Таковых не существует. Души бессмертны!»

... в Лондоне продали... мост? Один из древнейших памятников британской столицы — Лондонский мост купили американцы. Этот гранитный мост, красовавшийся на реке Темзе в течение многих веков, будет перевезён в США.

...свиноводы района Перуджа (Италия), добиваясь повышения закупочных цен на свою продукцию, прибегли к своеобразной манифестации? Они выпустили в торговом квартале города полсотни поросят, вызвавших невообразимую сумятицу. Полиции потребовалось несколько часов, чтобы изловить четвероногих «нарушителей порядка».

...и крокодила можно запрячь в упряжку? Этого добился владелец фермы в Арканзасе (США). Не сразу ему удалось приучить животное к упряжке. Пресмыкающееся не раз проявляло свой норов и разбивало вдребезги тележку своим могучим хвостом. Однако фермер не терял терпения и добился своего. Теперь он ежедневно объезжает свою ферму на удивительном «коне».

...в городе Лионе во время ссоры муж отрезал своей жене косы! Суд признал, что в ссоре супруги виноваты одинаково, но осудил мужа по статье закона, запрещающей заниматься парикмахерской деятельностью, не имея на то патента.

1. Какая рыба, — если в её названии изменить одну букву, — сгорит?

2. Какая ткань одной своей частью украшает жилище, а другой... ловит мышей?

3. В какой птице мусор да вода?

4. Какая птица ловит... овощи?

5. Какое животное состоит из костей и... междометия?

6. Какие два местоимения портят мостовые?

7. Название какой реки входит первым словом в название романа испанского писателя и оперы итальянского композитора?

8. Кому принес славу... разгром?

9. Из А в Б вышел поезд. Одновременно из Б в А вышел другой поезд со скоростью в два раза большей. Когда поезда встретятся, какой из них будет дальше от А?

10. Чем больше от меня берут, тем больше я становлюсь.

11. Чем больше нас, тем меньше весу.

12. Когда я нужен, меня бросают, когда не нужен — поднимают.

13. На ёлке горело пять свечей. Саша погасил две из них. Сколько свечей осталось?

14. У палки два конца. А сколько концов у трёх с половиной палок?

15. Чем вокруг поля обведёшь, а вокруг головы — нет?

16. Когда мы видим два, а говорим — десять?

ХИТРЫЙ РЕБУС

ШАРАДА

*Порою в первом нашем слове,
Грибов бывает очень много...
Второй слог тоже знаменит —
В начале гаммы он звенит.
А всё — скажу вам без утайки —
Прекрасный цвет для вашей
майки.*

17. Какие часы показывают верное время только два раза в сутки?

18. В каком слове полбуквы?

19. В названии какой страны света сто одна буква?

20. Что находится между Солнцем и Луной?

21. Чем кончаются день и ночь?

22. Чего в одном яблоке больше, чем в десяти яблоках?

23. Сколько букв в азбуке?

24. В каком слове все буквы?

25. Какое слово пишется без последней буквы?

26. Если из задуманного слова выбросить букву, то останется две буквы, а всего в задуманном слове — семь букв! Какое это слово?

27. Какою станет белая шёлковая лента, если её опустить в Чёрное море?

28. Каких камней нет в море?

29. Где край света?

30. Куда бьют первый гвоздь, делая скворечник?

31. Может ли дождь идти два дня подряд?

32. Что будет делать ворона, когда проживёт три года?

33. Сколько горошинок войдёт в стакан?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4 и 5)

КРОССЧАЙНВОРД

1. Карандаш. 2. Шоколад. 3. Друг. 4. Голубика. 5. Анабас. 6. Сатурн. 7. «Нос». 8. Сани. 9. Игра. 10. Антракт. 11. Торт. 12. Тога. 13. Адмирал. 14. Лекало. 15. «Овод». 16. Дышло. 17. Огарок.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

«Волк на псарне».

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Лужа, ложа, кожа, кора, гора, горе, море.

КРОССВОРД

По вертикали. 1. Судан. 2. Лимон. 3. Гулям. 4. Закон. 6. Дон. 8. Сад. 12. Нарва. 13. Лиман. 15. Лир. 17. Бекар. 18. Антей. 19. Лубок. 20. Буков. 22. Рид. 24. Куб.

По горизонтали. 1. «Рудин». 7. Русак. 9. Дом. 10. Лак. 11. Канон. 13. Лядов. 14. «Налим». 16. Рим. 18. Аврал. 21. Серна. 23. Нукус. 25. Кит. 26. Бук. 27. Падеж. 28. Тобол.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Если нарисовать не строчное, а прописное «аш», — ребус станет хитрее (не так-то легко догадаться, что это не «эн», а «аш»).

ШАРАДА

0+сечка=осечка.

СВЕРХУ ВНИЗ

1. «Вадим». 2. Озерки. 3. Сквер. 4. Триплан. 5. Ошмяны. 6. Котовский. Из первых букв — «Восток», из последних — «Мирный».

Содержание:

Лето! Лето! Лето! Лето!	1
Вот вам стакан воды. Рассказ Сергея Вольфа	2
Шутки ради	10, 19, 58
Диван и гарнитур. Рассказ утюга. Графин и чайник. Про одну резинку. Храбрый сыр. Самая важная. Тяжелая работа. Как он капал. Стихи Екатерины Серовой	11
Новый способ дрессировки. Рассказ Ильи Дворкина	14
Дельфин. Музыкальный кот. Случай на телевидении. Запах моря. Стихи Валерия Шульжика	20
Симпатичное чудовище. Рассказ Льва Стекольниковой	22
Куда бегут лекари? Сказка Вахита Манасыпова	25
Кино в двух сериях. Стихотворение Сергея Погореловского	26
Не знаешь, где заблудишься. Рассказ Вольта Суслова	27
Весёлый зоосад. Стихи Е. Руженцева	37
Кормилец. Рассказ В. Перельского	39
От станции Алёша до станции Верблюд. Юмореска Д. Яковлева	45
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика	47
Вы умеете играть в...?	59
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Рыбное местечко».

На 4-й странице обложки плакат художника В. Меньшикова «Страшная месьть».

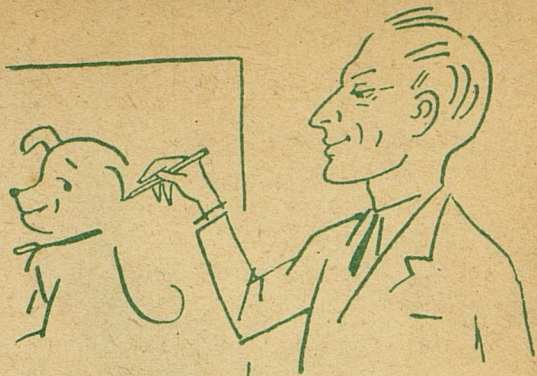
Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115

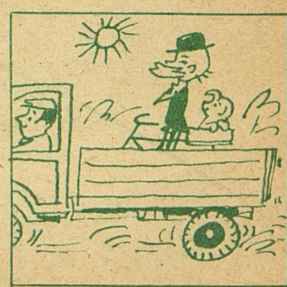
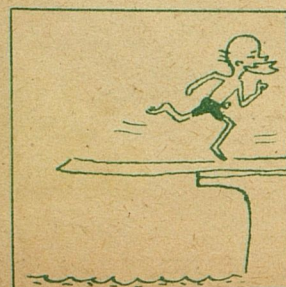
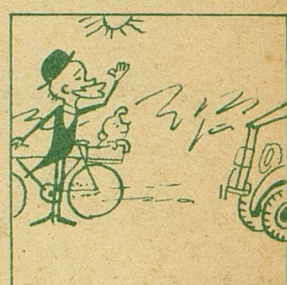
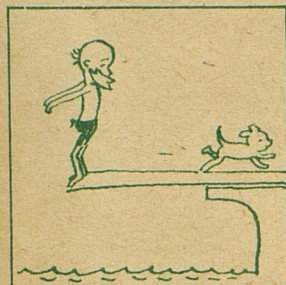
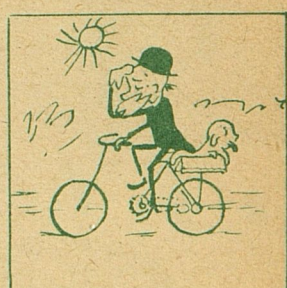
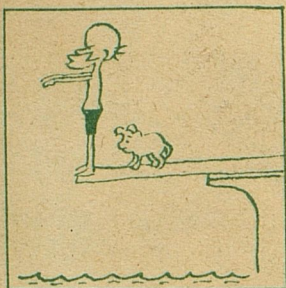
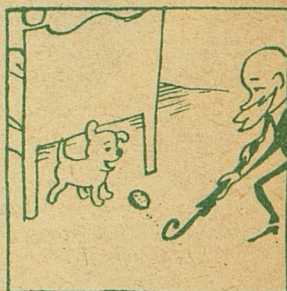
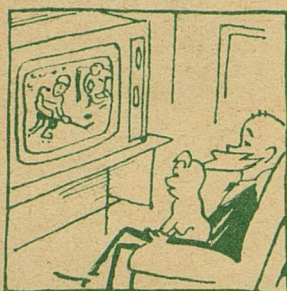
Сдано в набор 20/V 1968 г. Подписано к печати 11/VII 1968 г. 4 печ. л. М-24194 Заказ № 928. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 69 600 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Добродушного профессора Филютека и его собачку знают во многих странах. Польский художник Збигнев Ленгрэн создал множество рисунков, рассказывающих о приключениях своих любимых героев. Каждая серия состоит обязательно из трёх рисунков. Вот некоторые из них. А вверху вы видите автопортрет Ленгрэна.

LENGREN

КТО ЛЕСАМ НЕ ДРУГ, А ВРАГ—
ТЕХ ВСТРЕЧАЕТ ЛЕС ВОТ ТАК !